

**Фотия патриарха слово
о тайноводстве Святого Духа**
и о том, что как рождение Сына священнословится
от одного только Отца, так и Дух Святой богословствуется
исходящим от одной и Той же Самой Причины –
а что Он есть Дух Сына, говорится потому,
что Он единосущен Сыну и через Него посылается
(Mystagogia)

Это Слово, имеющее форму трактата, как предполагают ученые, было составлено свт. Фотием во время его второго патриаршества (877–886) и отредактировано уже после отставки, когда Фотий жил в монастыре Иерия. В конце сочинения автор говорит: «Если же Господь когда-нибудь возвратит нам плененные книги и писцов», что, разумеется, неприменимо к действующему патриарху, откуда и выводится 886 г. как *terminus post quem* для окончательной редакции сочинения. Упоминание в гл. 89 Римских пап Иоанна VIII (ум. 882) и Адриана III (умер в 885, что пишущему известно) не позволяет отнести эти слова к первой ссылке патриарха. Несколько менее определенный *terminus ante quem* задается датировкой древнейшей рукописи Palatinus gr. 216 – конец IX в. Таким образом, сомнений в хронологии трактата не возникает. Однако Палатинский кодекс ставит проблему авторства, поскольку текст в нем приписан Митрофану, епископу Смирнскому, одному из самых непримиримых врагов Фотия. То же самое обнаруживается в рукописи XIII в.: Bologna, Biblioteca Universitaria, MS gr. 2412 (olim 585). Гергенрёттер, считавший Палатинскую рукопись поздней, в своем издании «Тайноводства» предпочел игнорировать эту атрибуцию как заведомо ложную (PG 102, 266). Т. Колбаба, недавно собравшая все аргументы против принадлежности Фотию произведения в его нынешнем виде, рассматривает авторство Митрофана как возможное, хотя и не настаивает на нем¹. В действительности же было бы странно, если бы человек, всю жизнь борющийся с патриархом, опираясь именно на авторитет Рима, стал каким бы то ни было образом ставить под сомнение догматическую безупречность Западной Церкви. Достаточно вспомнить, что после смещения Фотия в 867 г. игнагиане, одним из вождей которых был Ми-

---

¹ Kolbaba T. M. *Inventing Latin heretics. Byzantines and the Filioque in the Ninth century.* Kalamazoo, 2008. P. 91–92.

трофан, постарались уничтожить все материалы собора, созданного бывшим патриархом в конце лета того же года и осудившего *filioque*. Скорее можно было бы объяснить подмену имени автора тем, что рукопись после смерти Фотия в 890 или 896 г. попала к его противникам или, во всяком случае, людям, которые сочли сам текст заслуживающим переписки, но имя писателя – компрометирующим.

Другие аргументы Колбабы, основанные на анализе как содержания текста, так и его рукописной традиции, заслуживают самого серьезного отношения. Неоднородность изложения и в самом деле бросается в глаза и подтверждается различием в нумерации глав в отдельных кодексах. Американская исследовательница убедительно выделяет так называемый «Источник 1», в котором автор обращается во втором лице к оппоненту – «филиоквисту» и строит аргументацию в основном на экзегетическом материале (главы 2, 5, 20/21–30, 48–59, 65–68 (отредактированные), 69–89). Именно это сочинение, где очень часто встречаются слова *μυσταγωγία* и *μυσταγωγέω*, по мысли Колбабы, и было изначально написано Фотием под названием «Тайноводство Святого Духа»². Другие пассажи, более богословско-логического плана, обращены к единомышленнику, а еретики фигурируют в них в третьем лице. При выделении этих фрагментов какого-то единого текста не получается. Так или иначе, Колбаба считает, что они принадлежат более позднему компилятору.

С точкой зрения исследовательницы по поводу глав, не относящихся к «Источнику 1», которую она сама признает гипотетической, нам согласиться сложно, и не только потому, что в конце IX в., на наш взгляд, в Византии не было другого ученого, способного вести богословскую полемику на таком уровне, который представлен в «Тайноводстве». Дело в том, что упомянутая фраза из заключительной 96 главы о плененных книгах и писцах или должна быть признана сознательной фальсификацией, что крайне неподобно, или требует хотя бы предположительно отождествить человека, в конце IX в. сначала имевшего богатую библиотеку (притом в личной собственности!) и штат секретарей, а затем их лишившегося. Подозреваю, что подобрать иную кандидатуру, помимо Фотия, будет весьма затруднительно. Остается думать, что отставной патриарх, отвечая на запрос кого-то из друзей, уже в преклонном возрасте расширил свой более ранний трактат вставками из других своих же произведений, среди которых могло быть, например, вероучительное определение собора 867 г.

В заключение следует заметить, что слова «Обличения, которыми смиряется гордость тех, кто тщится подавлять истину неправдой (Рим 1:18), рассеяны по многим пространственным сочинениям», вовсе не обязательно понимать так, будто до «Тайноводства» уже существовало много ангилатин-

² Ibid. P. 92. Cp.: *Dvornik F. The Photian Schism. History and Legend. Cambridge, 1948. P. 196. N. 2.*

ских трактатов. Поскольку Фотий, как всякий подлинно православный богослов, считал, что все, что он пишет, можно найти в Писании и Предании, он, вполне возможно, имел в виду именно отдельные доводы против *filioque*, которые можно почерпнуть из разных святоотеческих сочинений.

Перевод выполнен Д. Е. Афиногеновым по изданию: PG. T. 102. Col. 280–400.

1. Обличения, которыми смиряется гордость тех, кто тщится подавлять *истину неправдой* (Рим 1:18), рассеяны по многим пространственным сочинениям. Но поскольку твое великолепное и боголюбивейшее усердие попросило сделать некий обзор и очерк этих обличений, то, если Божественный промысл воззрит на нас благосклонно, не будет недостойным и удовлетворить твою просьбу.

2. Итак, острая и неминуемая стрела против них, даже прежде всего остального, есть Господне речение, поражающее и уничтожающее всякого зверя и всякую лисицу. Какое это? То, что говорит об исхождении Духа от Отца (Ин 15:26). Сын тайноводствует, что Дух исходит от Отца – а ты ищешь другого посвятителя, чтобы через него получить посвящение, а скорее совершенство в нечестии, и баснословишь, будто Дух исходит от Сына? Если ты не побоялся устремиться к тому, чтобы заставить учения Спасителя, Создателя и Законодателя уступить твоему безумию, то что можно изыскать такое, что вконец обличило бы твое нечестивое старание? Если ты пренебрегаешь Владычными законами, кто из благочестивых не погнушается твоим мнением? И что иное поднимет тебя от этого падения? Какой врачебный уход вылечит поразившую всю тело рану? Не спасительное слово нанесло ее, но внедрил добровольный недуг, который лекарство владычного научения постарался из-за непослушания превратить в неисцелимый яд, а вернее, тот, кто захотел взять сторону врагов, навлек на себя защитительный и против них направленный меч. Поэтому, хоть ты и повергнут наземь обоюдоострым мечом Духа, однако и мы тоже, выказывая ничуть не меньшую любовь и усердие к всеобщему Владыке, поскольку и помыслы вооружающего нас священного нашего военачалия подвигают на ополчение, позаботимся о том, чтобы ты не избежал и отсюда исходящих ударов.

3. Ибо если и Сын, и Дух производятся от одной Причины, Отца, пусть даже Один через рождение, а Другой – через исхо-

ждение, а Сын, опять-таки, есть Изводитель Духа, как вопиет богохульство, то каким образом последовательность рассуждения допустит не баснословить одновременно и о Духе как об Изводителе Сына? Ведь поскольку оба Они равночестно произошли от Причины, то если Один служит Причиной для Другого, разве сохранение непреложного порядка не потребует, чтобы и Тот, отечая равной услугой, был Причиной для Первого?

4. С другой же стороны, если Сын не выходит за пределы превышающей слово простоты Отца, а Дух возводится к двойной причине и происходит от двойного изведения, то как этому не воспоследует сложность? И как равночестный Дух не будет богохульно объявлен меньшим, нежели Сын? И как простота Троицы (о, дерзкий на богохульство язык!) не потерпит искажения в собственном достоинстве?

5. Кто из священных и знаменитых отцов наших сказал, что Дух исходит от Сына? Какой опирающийся на вселенские исповедания и ими славный собор? А вернее, какое богоизбранное собрание священников и архиереев не осудило эту мысль вдохновением Всесвятого Духа, даже прежде чем она появилась? Ведь они, согласно владычнему тайноводству посвященные в Духа Отчего, тоже явственно и громогласно возвестили, что Он исходит от Отца, а мыслящих по-другому предали анафеме как ругателей соборной и апостольской Церкви – с древних времен предвидя пророческими очами новоявленное нечестие, они осудили и его писаниями, и речами, и разумом вместе с предшествующим многообразным отступничеством. Из семи Вселенских и святых Соборов уже второй постановил, что Святой Дух исходит от Отца, третий повторил, четвертый подтвердил, пятый решил так же, шестой то же проповедал, и седьмой своими усилиями славно запечатлел. И на каждом из них можно с очевидностью видеть, как открыто провозглашается благочестие и богословствуется исхождение Святого Духа от Отца. А тебя какое нечестивое сборище переубедило, кто из законодательствующих вопреки Владыке внушил тебе впасть в недозволенные мнения?

6. Но их нечестие и своенравие в богоборчестве можно уличить также и вот откуда. Если все, что есть общего согласно неразличимой, несчастной, простой и единой общности, если все,

что есть такого у Духа и Отца, присуще и Сыну, и точно так же, что усматривается у Духа и Сына, нельзя не признать присутствующим и у Отца, но и Духа нельзя лишать ничего из того, что есть у Сына и Отца – подразумевай царство, благодать, сущностную сверхъестественность, сверхмыслимую силу, вечность, бестелесность и множество сходных определений, которыми благочестивые по изначальному преданию богословствуют пребожественное Божество. Итак, если это рассматривается так, и среди христиан нет никого, кто уклонился бы в противоположное мнение – и, как бахвалится еретическое слово, исхождение Духа есть общее для Отца и Сына, то и Дух (какое может быть более дерзкое нечестие, чем это?) участвовал бы в исхождении Духа, и одно в Нем было бы изводящим, а другое – изводимым, и одно причиной, а другое – следствием, и много другой богороческой рати.

7. Но пусть Дух исходит от Сына. И что Он получает сверх того, что имел, исходя от Отца? Ведь если можно что-то получить и сказать, что Ему прибавилось, то каким образом Он не будет несовершенным без прибавления? Или же, во всяком случае, после прибавления? Если же Ему ничего не прибавилось (ибо и здесь следует, наряду с прочим, и двойственность, и сложность, дерзко покушаясь на простую и несложную природу), то в чем смысл исхождения, которое ничего не может придать?

8. А ты рассмотри мысленно и вот что: если Сын рождается от Отца, а Дух исходит от Сына, то какое иное отношение можно придумать, при котором Дух тоже сохранит для Себя преимущество изведения другого и не повредит достоинству единоприродного осуществления (τῆς ὁμοφουῶς οὐσιώσεως τὸ ἀξίωμα)?

9. Посмотри и с такой стороны: если Дух, исходя от Отца, исходит и от Сына, то какое рассуждение опровергнет то, что по необходимости нарушится непреложность Ипостасей (о разум, опьяненный вином нечестия!), и «Отец» (да будет Он к нам милостив и обратит это богохульство на голову виновников!) останется пустым именем, раз отличающая Его особенность стала уже общей, и две богоначальных Ипостаси слились в одно Лицо. И вновь возродится у нас Савеллий, а вернее, какое-то другое полусавеллиево чудище.

10. И подразумеваемое ныне относительно Сына и предлагаемое для избежания нелепости рождение никоим образом не делает более приемлемой хулу на Отчее свойство – я говорю о свойстве, обозначающем причину исхождения, поскольку, согласно басням злочестивцев, оно перетекает на свойство Сына и втискивается в него. Ибо это – опять рассечение, и разъятие, и деление неделимого: ведь если Отец одно из Своих свойств передает, а другое сохраняет в неприкосновенности, то каким образом они не допустят, чтобы что-то у Него усматривалось в свойстве, а другое разделялось вместе с привносимым в свойство новшеством? Но страшно становится, что мы стерпели завести их богохульство так далеко.

11. И помимо сказанного, если в богоначальной и сверхъестественной Троице усматриваются две причины, то где будет пресвоспетая и боголепная держава единоначалия? Разве не вторгнется теперь безбожие многобожия? Разве не ворвется под личиной христианства к дерзающим так говорить суеверие эллинского заблуждения?

12. Опять-таки, если в единоначальной Троице возникли две причины, то разве не появится вместе с ними и третья, исходя из того же образа мыслей? Ведь если безначальное и преначальное Начало однажды у нечестивцев подвиглось с собственного основания и рассеклось на двоицу, рассечение начальства еще отважнее дойдет и до Троицы, потому что в сверхъестественной, неделимой и единой природе Божества проявляется скорее троичность, чем двоичность (κάν τῆ ὑπερφυεῖ καὶ ἀμερεῖ καὶ ἐνιαίᾳ τῆς Θεότητος φύσει τὸ τριαδικὸν μᾶλλον ἢ τὸ δυαδικὸν ἀναφαίνεται), поскольку она соответствует и особым свойствам.

13. Разве это выносимо для христианского слуха? Разве дерзающие на нечестие не принуждают сойтись на них самих воедино гнев и плач, два по большей части несовместимых аффекта (τὰ τῶν παθῶν ὡς ἐπίπαν ἀσυνδύαστα)? Гнев за то, что они приняли на себя такое безумие, а плач о том, что они несутся к непоправимой гибели: ведь благочестие, даже гневаясь, не забывает жалости к сопородному.

14. Увидеть же величину нечестия нетрудно и с помощью того, что будет сказано. Ведь если Сын после безначального

Отчего Начала и Причины снова становится Началом и Причиной Единосущного, то как можно избежать утверждения о двух различных Началах в Троице, Одним – имеющем безначалие и в нем утвержденном, и Другом – начавшемся и вместе с тем восходящем к Началу, и преобразующемся вместе с различием отношений (τὴν μὲν τὸ ἀναρχὸν ἔχουσαν καὶ ἑστηκυμένην ἐν αὐτῷ, τὴν δὲ ἀρχομένην τε ἅμα καὶ πρὸς ἀρχὴν ἀνατρέχουσαν καὶ σπυριταφύρομένην τῇ τῶν οὐρανοῦ διαφορᾷ)?

15. Если Отец есть Причина происходящих от Него (αἴτιος τῶν ἐξ αὐτοῦ) не по определению природы, а по определению Ипостаси (ὁ τῆ Λόγου τῆς φύσεως, τῆ δὲ Λόγου τῆς ἰποστάσεως)³, а об определении Отчей Ипостаси до сих пор еще никто нечестиво не говорил, что она включает и Ипостась Сына (ведь даже Савеллий, выдумавший Сыноотцовство, этой хулы не произносил!), то Сын никоим образом не является Причиной никого из Троицы.

16. Не следует пройти и мимо того, что это злочестие разделяет надвое даже саму Ипостась Отца – или, во всяком случае, постановляет, что лицо Сына составляет часть Отчей Ипостаси. Ибо если, как сказано, Отец есть Причина происходящих от Него по определению Ипостаси, а не природы, а Сын есть также Причина Духа, как вопиет богоборчество, то [придется] или объявить Сына разделяющим с Отцом Его Ипостась, от которой Он и получил возможность быть Причиной, или отважиться сказать, что Сын восполняет Лицо Отца, а оно до восполнения недостаточно; и что Сын есть часть Отца – то есть усечь в двоицу страшное таинство Троицы.

³ Действительно, определение Ипостаси Отца предполагает, что у Него есть Сын. Однако еще в Никейском Символе утверждалось, что Сын рождается «из сущности Отца» (Ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς); на основании этого в IV веке отцами Церкви было разработано учение о природном характере рождения Сына, что признавал и Фотий (см. Myst. 38, 47; Epitome 15). При этом в самом Никейском Символе понятия «сущности» и «ипостаси» отождествлялись; поэтому Фотий формально не противоречит Символу. Но ко времени самого Фотия эти понятия были четко разграничены, поэтому смысл его утверждения здесь, вероятно, заключается в том, что способность рождать Сына относится не к природе, а к ипостаси Отца; при этом в самом рождении Сына от ипостаси Отца Ему вместе с ипостасным бытием передается и вся полнота Божественной природы. – Прим. ред.

17. И великое множество прочих плевелов вырастет из изначально посеянного злого семени, которое враг рода [человеческого], придя к повредившимся в уме, когда те, похоже, не спали, но бодрствовали душевной смертью и искали, как бы испортить горний, благородный и спасительный посев, всеял в их жалкие души. Ибо все, свойственное чему-то в собственном смысле, если оно от этого действительным образом переносится на какие-то две вещи и относительно одной говорится истинно, а относительно другой – уже нет, показывает эти предметы разноприродными. Например, способность смеяться, собственно свойственная человеку, когда она, скажем, Иисусу, вождю Израиля, подходит, а от представшего перед ним архистратига силы Господней всячески отлучается, позволяет ясно увидеть, что вождя никоим образом нельзя считать соприродным, ни единосущным архистратигу. И во всех прочих вещах тот, кто пользуется этим приемом, отчетливо и без труда обнаружит применимым то же самое умозаключение ($\theta\epsilon\omega\rho\iota\alpha\nu$). Если же это повсюду имеет силу и сохраняет тот же смысл, а исхождение Духа от Отца возвещает Отчее свойство, и оно же, согласно еретической болтовне, применяется к Сыну, но никак не к Духу (еще никто до такой хулы не додумался), то пускай зачинатели столь великого зла сами сделают на свою голову вытекающий отсюда вывод. Если же они скажут, что исхождение Духа не есть Отчее свойство, то ясно, что и не Сыновнее – а поскольку и не Духово, то пусть дерзкие на любое высказывание скажут, как то, что не свойственно ни Одному из Трех, но и не есть общее, вообще можно будет усматривать у одной из богоначальных Ипостасей?

18. Близко к сказанному и вот что: если свойственное Отцу переходит в свойство Сына, то и свойственное Сыну переходило бы в свойство Отца. Ибо как только нечестивая болтливость встала на путь, ведущий к перемене и взаимопереходу отличительных свойств Ипостасей, то и Отец у них (о глубина нечестия!) претерпит рождение при рождении Сына – ведь, похоже, им, дерзким во всем, не следовало бы и такое богоборчество оставить без дерзновения.

19. Обобщенно же, применительно ко всему, в собственном смысле свойственному, когда нечто из этого, действительным

образом переносимое от первого обладателя на некую ипостась, остается истинным, даже если за ним не следует положение об обратимости, то тогда то самое, что предоставляет другому соучастие в свойстве, мы видим возводимым в определение природы. Итак, если дерзость допускает, что признаваемое изначально свойственным Отцу присутствует и у Сына, пусть она увидит даже против воли, к какому завершению приводит ее богомерзость: итак, похоже, для любителей лжи, раз взбесившихся против свойств, было бы последовательно и саму Ипостась Отца полностью перевести в природу и совсем убрать Причину богоначальных Ипостасей.

20. Да, говорят они, но Спаситель сказал, тайноводствуя учеников: *Дух от Моего возьмет и возвестит вам* (Ин 16:14). Да от кого же укроется, что ты прибеж к речению Спасителя не с тем, чтобы найти подтверждение, но чтобы оскорбить Самого Владыку, вечный Источник истины, разногласием [с Самим Собой]? Ибо настолько твой язык распущен на любую дерзость и на придумывание и измышление ухваток к неприступному. Ведь если Сам Сей Создатель и Промыслитель рода нашего тогда учил, что Дух исходит от Отца, никоим образом не добавив, что и от Него, но тайноводствовал, что один только Отец богословствуется как Причина и рождения Сына, и исхождения Духа – а сейчас, по твоим словам, покрыл глубоким молчанием прежнее тайноводство, поскольку сказал: *от Моего возьмет*, – хотя следовало бы, придя ко второму посвящению, упомянуть и о предыдущем и связать вместе настолько отстоящее друг от друга в умозрении – а Он, хотя нужно было так поступить, не делает этого, но вместо исхождения Духа от Отца переводит это исхождение на Себя – то разве ты не уличен как повинный наказанию за то, что простираешь свое непозволительное разногласие на ипостасную и неизменную Истину?

21. Поскольку же отважность на невозможные предприятия не отняла у тебя детского поведения, то хотя бы сейчас, если уж не раньше, следует тебе понять, что ничто так очевидно не противостоит твоему безумию, как это Владычнее и спасительное речение. Ведь если бы Он говорил: *от Меня возьмет*, то даже и в этом случае не получился бы вывод, к которому ты стремишься –

впрочем, заблуждение имело бы какой-то предлог. Ибо братъ от кого-то ради иной надобности и исходить для осуществления (τὸ πρὸς οὐσίῳσιν ἐκπορεύεσθαι) не сводится разумом в тождество – далеко до этого. Поскольку же Спаситель, предвидя величину такого нечестия, не произнес даже этого речения, чтобы злодейство лукавого через тебя не распространилось на многих, то почему, вместо того, чтобы обвинять Владыку, ты не прибегнешь через извинения к человеколюбию Владыки и не приоткроешь сердечный слух для Его учения?

22. Спаситель сказал не «от Меня возьмет», но «от *Моего* возьмет». Ибо Пришедший наставить всех в истине умел быть согласным [с Самим Собой], и тем более сохранять согласие с Собою безукоризненным. *От Моего возьмет*: хотя выражение «от Моего» лишь немногим расходится в словах с выражением «от Меня», различие между ними многое и великое. Ведь «от Меня» вводит Самого, произнесшего речение, а «от Моего» – обязательно иное лицо по сравнению с говорящим. А кто бы это был, от Кого берет Дух, если не Отец? И они, богоборствуя, ничего другого и не придумают: ведь не от другого Сына, но и не от Самого берущего Духа. Видишь, как даже у детей присущего тебе не обнаруживается? Ведь и дети, недавно посещающие школу грамоты, знают, что «от меня» вводит самого произносящего высказывание, а «от моего» указывает на другое лицо, связанное с говорящим узами близости, но, разумеется, отличное по ипостаси – к чему Он и отсылает в безошибочном направлении разум слушателей. Так что твое прибежище, если ты вообще предпочтешь быть благочестивым, а не нечестивым, могло бы стать для тебя прибежищем покаяния, а никак не отправной точкой для богоборства.

23. Так что же? Не следовало ли тебе, прежде чем богохульствовать, стремиться узнать, если ничего другого, то это, что и детям известно? Как же тебя не объял страх, хоть ты и мастер прятать злодейство, так откровенно издеваться над Владычными словами и лгать о них? И ты не стыдишься говорить, будто Владыка сказал нечто непозволительное и для последовательности рассуждения, и для неповрежденности смысла? Ведь ясно, что Он не сказал «от Меня», а ты, хотя и на словах, но зловредной уловкой переделав «от Моего» в «от Меня» и обвиняя Спасителя в том, что через это

выражение Он учит тому, что оно, по-твоему, обозначает, прямо клеветнешь одновременно в трех вещах: что Он сказал то, чего не говорил, не говорил того, что сказал, и учил смыслу, который не только не содержится в Его высказывании, но и, напротив, как можно ясно видеть, противоречит Его тайноводству. А в-четвертых, ты представляешь Его законодательствующим против Самого Себя. Как и каким образом? Он Сам сказал: *От Моего возьмет*, а не «от Меня возьмет» – а ты настаиваешь, что Он учил тому, что именно, как тебе кажется, обозначает выражение «от Меня». Так что то, что Он сказал, ты упраздняешь, а то, чего не говорил, отстаиваешь как сказанное. Ибо ты вопиешь, что Он постановлял для учеников смысл того речения, которого не говорил, и через него учил тому, о чем вовсе неизвестно, что это произносили Его непорочные уста. Ведь ипостасная Премудрость Божия тайноводствует, что Дух исходит от Отца, а ты, как будто прилагая всяческие старания, чтобы уличить Его в разногласии с Самим Собой, кричишь, будто Он заново учит, что Дух исходит от Него, и отступает от прежнего богословия и через это второе делает первое недействительным, не сохраняя силы и за самим последующим. Ибо если богословие в благодати однажды благодатью же опровергается, уверенность [больше] не находит себе места для пребывания.

24. Но пора услышать с самого начала и сказанные Господом речения, и смысл, предназначение которого истолковывают слова – ибо бесстыдство нечестия разоблачается ими не хуже, но и гораздо лучше. Ибо сказав: *Иду к Пославшему Меня* (Ин 14:28; 16:5), Он дальше добавляет дословно вот что: *Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам* (Ин 16:6–7). И немного спустя: *Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам* (Ин 16:12–15). Разве эти священные и боговещанные речения не позволяют ясно понять таинство благочестия? Не объявляют причину, по которой Он счел нужным это сказать? Не сохраняют

в неприкосновенности изначальное тайноводство, не посрамляют всякую клевету, не отсекают повод любого нечестия? Ведь так как Он знал, что ученики впадут в печаль, потому что Он, присутствуя, предсказал им телесную разлуку, и видя, что они из-за Его слов, что Он идет к Отцу, пришли в помысел уныния, Он ободряет их и утешает с истиной, сначала научая их, что для них лучше, если Он пойдет. Затем же, толкуя, почему лучше, Он говорит: *ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам*. А такие слова, ясно, подвигают их возвышаться к величеству Духа, как и: *Но вы теперь не можете вместить*. Но когда? *Когда придет Он, Дух истины: ибо Он наставит вас на всякую истину*. Здесь вновь возникает иное дивное величие Духа, и разъясняемое ученикам, и поднимающее их разум на несказанную высоту, где для них с преизбытком сияет достоинство Духа.

25. Что же? Естественно им было, возведенным, размышлять о Духе как-то так: «Но Ты, Учитель, присутствуя, не даешь нам силу нести бремя тайн. Утешитель же, придя, сделает нас лучше и сильнее, чтобы без тяжести выносить их знание. И Ты отчасти открыл нам истину, а Он руководствует нас к всецелой истине; и когда Ты тайноводствуешь, нам недостает еще мудрости, и силы, и истины – а Он, придя, доставит нам изобильное вкушение всего. Посему если Ты, ипостасная Премудрость и Истина, учишь этому, то не подобает нам сомневаться, что Дух должен принять (ἀξιούσθαι) от нас большую честь и славу».

26. Итак, поскольку Спаситель внушает ученикам высокое [понятие] о Духе, устраняя их печаль, а одновременно и богословствуя Духа в истине, ум же учеников мог по-человечески взволноваться неподобающими помыслами (ибо страшно, когда душа, одержимая скорбью и замутнившая тьмою способность суждения, обращает спасительную перемену во вред) – вот поэтому, чтобы они не подумали, что Дух больше Сына, раз Он доставляет большее, и чтобы им не пришел помысел, оскорбляющий единоприродность и разрывающий Их равенство, Он как наилучший врач и тел, и душ заранее закладывает спасительное лекарство.

27. Если же такие помыслы и не охватывали, не возбуждали и не смущали учеников (ведь, может быть, благоговейнее было бы признавать, что этот священный сонм выше такого беспорядка

и смуты), однако же изобретатель зла и умелец окутывать лучшее призраком худшего мог бы сделать многих добычей своей уловки и посеять еретическое мнение в людские души – посрамляя и рассеивая каковое в самом начале и вместе с его изобретателем, Спаситель точно и боголепно добавляет, что *не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит* (Ин 16:13), – ведь и о Себе Он раньше сказал: *Я сказал вам все, что слышал от Отца Моего* (Ин 15:15), как бы: учить и просвещать ваш разум – это у Нас Обоих от Отца. Потому и, так как дальше Он говорит об Отце: *Я прославил Тебя на земле* (Ин 17:4), но и Отец прославит Сына: *и прославил и еще прослаблю* (Ин 12:28), а сейчас и Сын прославляет Духа вышеупомянутыми высокими и боголепными словами, – вот поэтому Он немного дальше добавляет, что *Он прославит Меня* (Ин 16:14), повсюду сохраняя в неприкосновенности единосушие, единоприродность и достоинство равночестия, как если бы кто сказал: общее у пресущественной и препрославленной Троицы, что Они несказанным словом прославляют Друг Друга. Сын прославляет Отца, но и Отец – Сына, прославляет и Духа – ведь оттуда истекает у Него богатство дарований; но и Дух – Отца, потому что *пронизает*, а вернее, ведает *глубины Божии* (1 Кор 2:10) и открывает их, насколько постижимо для человеческой природы, для приготовивших себя пригодными принять озарение от богопознания. Прославляет же, как сказано, сейчас Сын Духа и Дух Сына, и как у Них общее царство, и сила, и держава, так и слава, и не только от нас возносимая, но и та, которую Они принимают от Самих Себя.

28. *Он прославит Меня* (Ин 16:14), то есть: из-за того, что Я воздал славу Утешителю, Я не объявил Его большим Меня, и наоборот, из-за того, что Он, как Я сказал, *прославит Меня*, Я не ставлю Себя выше Него по чести. *Прославит Меня* означает, что насколько ты постигаешь Его высоту, тебе возможно через Него созерцать Мою славу – ведь как Я научил вас тому, что *слышал от Отца*, так и Он *возьмет от Моего* и просветит вас: вечный Наш источник дарований бьет равным образом, равно и происхождение от вечного Отца, равно единосушие и единоприродность; все тайноводствует равночестие, отовсюду изгоняется большее и меньшее.

29. Затем, сказав, что [Дух] *возьмет*, Он ясно провозглашает и то, зачем *возьмет* – ведь не чтобы изойти (*ἵνα ἐκπορευθῆ*), говорит Он, и не чтобы получить существование (*ἵνα ὑποστῆ*) (внимай, человеце, Владычным словам)⁴, но для чего *возьмет*? Зачем? Чтобы *будущее возвестить вам* (Ин 16:14). И вначале сказав это, Он вновь запечатлевает, говоря: *От Моего возьмет и возвестит вам*. Яснее же раскрывая, о чем именно Он говорит, *От Моего возьмет*, Он кратко добавляет: *Все, что имеет Отец, есть Мое* (Ин 16:15), так что берущий Мое берет и от Отца Моего. При этом, разъясняя тот же смысл, Он не останавливается на этом, но, раскрывая его и подтверждая еще совершеннее, говорит: *потому Я сказал, что от Моего возьмет*, – потому что Мое – у Отца, а Дух берет от Отца, ибо Отчее есть Мое. Так что Он разве что не вопиет: «Когда Я говорю *от Моего*, нужно возносить ваши помыслы к Отцу Моему и не обращаться к другому. Ведь Я и не оставил вам никакого предложения, который Я бы не устранил, отвлекаться в воображении к чему-либо иному, тем более что Я до того говорил вам, что *все, что имеет Отец, есть Мое*».

30. Что явственнее этих непорочных речений? И что представит яснее, что [слова] *от Моего возьмет* отсылают к Отчему лицу, и что Дух священнословится получающим действие дарований от Отца как Причины, тех самых дарований, которыми Он даст ученикам силу переносить познание грядущего со стойким и неколебимым настроением и стать созерцателями незримого, не встречая никакого затруднения, и творить превышающие слово дела. Разве не пресечен для тебя со всех сторон всякий предлог нечестия? Осмелишься ли ты еще измышлять клевету и ложь против истины или строить козни против собственного спасения?

31. Я и впредь не оставлю заботу о тебе: если ты неизлечим, чтобы уличать тебя, и запрещать, и еще разить лежащего – а если стремишься к излечению, то чтобы подавать тебе из того же сосуда истины целительное и очищающее от болезни лекарство. Ибо если (как к тебе обращаться?) *исхождение Духа от Отца со-*

---

⁴ Отсюда хорошо видно, что для Фотия, как и других греческих отцов Церкви, *исхождение* (ἐκπόρευσις) означает «получение самостоятельного бытия» или «существования». – Прим. ред.

вершенно, а оно совершенно, потому что совершенный Бог от совершенного Бога, то что привнесет исхождение от Сына? Ведь если оно что-то привнесло, нужно будет сказать, и что именно привнесло – а если помимо Божеской Ипостаси Духа нельзя ничего ни принять, ни сказать, то зачем ты решил и Сына оскорблять ложью, и Духа, а с Ними и прежде Них – Отца?

32. Опять же, если в том, что Дух исходит от Отца, опознается Его особенность, и так же особенность Сына в том, что Он рождается, а Дух, согласно их вздору, исходит и от Сына, то, стало быть, Дух отличается от Отца большим числом свойств, нежели Сын. Ибо происхождение от Отца, хотя Один происходит рождением, а Другой – исхождением, однако же равным образом отграничивает Каждого из Них от Отчей Ипостаси. Дух же отделяется и вторым различием, которое Ему доставляет двойственность исхождения. Если же Дух отделяется от Отца большим числом различий, чем Сын, то Сын будет ближе к Отчей сущности, и если свойства, отграничивающие Духа, двойственны, то на Дух возводится хула, что Он в одном из этих свойств уступает Сыну в равночестности единоприродного родства с Отцом, и так вновь объявится Македониево беснование против Духа, возмещающая собой поражение его злочестия.

33. Но и если только Духу присуще быть относимым к разным началам, то разве не будет последовательно сказать и то, что только Дух относится к многоначальному началу?

34. А еще, чем дерзкие во всем создали новую общность между Отцом и Сыном, тем самым они исключают Дух – Отец же связуется с Сыном в общность по природе, а не по какому-либо из свойств, так что они изгоняют единосущного Духа из Отчего родства по сущности.

35. Дух исходит от Сына – тем же исхождением, что и от Отца, или противоположным? Если тем же самым, то как не подвигнутся особенности, которыми только Троица и определяется, что она есть Троица и принимает поклонение как таковая? Если же противоположным этому, то как не разыграют у нас вновь вместе с таким богохульным утверждением Мани и Маркионы, опять распростирая богоборческую болтовню против Сына и Отца?

36. Вдобавок к сказанному, если все, что не есть общее для вседержительной, единосущной и преестественной Троицы, принадлежит только Одному из Трех, а изведение Духа не есть общее для Троицы, то оно, следовательно, принадлежит лишь одному среди Троицы. Скажут ли они, что Дух исходит от Отца – и как [тогда] не отрекутся от любезного им нового тайноводства? Если же от Сына, то почему они не осмелились сразу с самого начала изрыгнуть весь свой яд, но источают его по частям? Ибо если они были уверены в своем нечестии, то следовало бы признаться с самого начала, что они не только учат о Сыне как Изводителе Духа, но и Отца от изведения отлучают – в пору им было бы и рождение вместе с изведением переместить и перенести и плести небылицы о том, что и не Сын имеет рождение от Отца, а Отец от Сына, чтобы не только затмить от века бывших нечестивцев, но быть уличенными в большем помешательстве, чем у сумасшедших.

37. Еще же, если Сын рожден от Отца, а Дух исходит от Отца и Сына, то что это за новость у Духа, что и от Него не исходит нечто другое, чтобы, согласно богопротивному суждению, было не три, а четыре Ипостаси, а скорее бесчисленные, потому что четвертая у них опять изведет еще одну, а та – другую, пока они не превзойдут и эллинское многобожие.

38. Можно и вот что обратить против них. Что же? Если все, что присуще Сыну, Он имеет, получая от Отца, то откуда же у Него будет и то, что Он – Причина исхождения Духа. Тогда откуда эта неравномерная щедрость, из-за которой Сын видится Причиной Духа, а Дух, хотя и обладает равной честью и единично и единственно происходит от той же сущности (ἐκ τῆς αὐτῆς ὁμοταῶς τε καὶ ὁμοτίμως προεληλυθὸς οὐσίας), лишен равных почестей?

39. Опять-таки, Отец – Причина и Сын – Причина. Тогда для кого эти третейские судьбы неприкосновенных вещей скорее сочтут справедливым иметь Причину? И если для Отца, то как у них не будет привнесенной и поддельной, и оскорблением сама эта придуманная честь Сына, особенно раз Отец уже имеет главенство, поскольку имеет и преимущество? Если же для Сына, то горе еще тягчайшей дерзости! Ведь они не посчитали для себя достаточным в избранном ими нечестии рассекать и разделять

с Сыном Отчую Причину, если не отберут и преимущество и не введут Сына вместо Отца в качестве Причины Духа.

40. Что ты говоришь? Сын, произходя от Отца через рождение, получил от Него и изведение иного единоприродного? Так как же и Сам Сын, изводя единоприродного Духа, не уделил Ему причастность подобной же способности и чести, чтобы и Он, опять-таки, мог украшаться изведением и осуществлением единоприродного? Хотя следовало бы Сыну, если и не ради чего другого, то, восходя к подражанию Отцу (πρὸς τὴν τοῦ Πατρὸς ἀναγόμενον μίμησιν), сохранять подобие [Ему] в подобных же действиях.

41. Я же не обойду молчанием и такую нелепость. Владычное слово тайноводствует утверждать, что Родитель больше Порождения, хотя и не по природе (прочь это – ведь Троица единосущна), но как Причина. Так учит и наставленный отсюда сонм священников наших отцов – а что Сын как Причина больше Духа, об этом нельзя услышать из божественных речений, но и ни у какого благочестивого ума до сих пор не обнаруживалось таких мыслей. Богоборческий же язык делает Сына как Причину не только большим Духа, но и более близким к Отцу.

42. Еще же, если Сын есть Причина Духа, то как не окажется, что в прена начальном и преестественном начале Троицы возникла вторая Причина, и притом имеющая причину и вымышленная для оскорбления не только первого Начала, но и Того Самого, Кому приписывается честь? Ведь то, что Он не несет никакой пользы ни Себе, ни кому-либо другому, но даже и нигде не находит повода, чтобы принести ее, разве не представит Сына скорее оскорбленным и не сделает оскорбление еще более тяжким под именем чести? Ибо если Дух стяжал от вечности не имеющее недостатков исхождение от Отца, то Подателем какого иного изведения или осуществления будет признана придуманная ими Причина?

43. И как Дух не разделится у них надвое? Один – исходящий от Отца и истинной и первой Причины (ибо Отец беспричинен), а другой – от второго и имеющего причину (ибо Сын не беспричинен), и таким образом ересь не только сочиняет инаковость и различие Духа по чину, отношению и причине, но и дерзает раз-

двигать предмет нашего поклонения в четверицу вместо Троицы, а вернее, не пропускает никакого усилия, чтобы не оставить без оскорбления ничто в преблагод Троице и Создателе всего.

44. И если Сын есть Причина Духа, а Отец – Причина Их Обоих, в совершенной и совершительной Троице обнаружится некая Причина, отдельная от первой и в собственном смысле Причины и несовершенная, половинчатая или сложная, воспринявшая сложение из несовершенного и совершенного. И можно видеть, как древнее баснословие в подверженных возникновению и тлению вещах, забавляясь, выдумывает гиппокентавров, а богоборчество в вечных и неизменных не боится старательно измышлять причину то ли половинчатую, то ли слепленную из причины и следствия. И ни то, ни другое не позволяет избежать несовершенства: ведь оба хотя и представляются противоречащими друг другу (ибо таковы всходы нечестивого посева), однако же сводятся к одному и тому же оскорблению несовершенством.

45. Помимо сказанного, если Дух есть одно, и сверхъестественно и в собственном смысле одно, как и Отец и Сын суть подлинно и превыше слова одно, разве не непозволительно вместе и невозможно приписывать [Ему] эту двойственность причин?

46. Вот из-за этого и подобного надлежит вам, хоть и поздно, прийти к осознанию нечестиво сказанного и согласиться с мнением соборной и апостольской Церкви вместо многообманного суеверия и быть чисто посвященными в благочестие, и научиться веровать от всецелого ума и не сомневающегося разума, что каждое из Лиц единосущной и богоначальной Троицы неизреченным образом связуется природой в нераздельную общность, а по непреложному определению Ипостаси сохраняют Друг за Другом отличительные свойства: ибо различие у Них не оставляет места для смешения – ни в коем случае! – но как общность по природе не допускает никакого разделения или различия, так и то, чем отличается каждая из трех Ипостасей, никоим образом нигде не смешивается ни в какое слияние. Опять-таки, как Сын рождается от Отца и пребывает, сохраняя за Собою достоинство сыновства неизменным, так и Пресвятой Дух исходит от Отца и остается, сохраняя за Собой исхождение непреложным. И каким образом Дух, исходя от беспричинного Отца, не боготворит другого рождения

или исхождения и не вносит новшества в Свое исхождение какой-либо переменной, так и Сын, рождаясь от беспричинного Отца, не потерпел бы произвести боготворение никого единоприродного ни через рождение, ни через исхождение и исказить преимущество сыновства привнесением иного отношения.

47. Если ты этого не видишь, я мог бы обвинить тебя в добровольном ослеплении. Ведь если Отец изводит Духа по определению природы, а природа у Троицы одна и та же, раз так, то из чего ты исходишь, чтобы вместе со многими другими сродными нелепостями баснословить это злочестие? Ведь у тебя не только Сын превратился бы в Изводителя Духа, но и Сам Дух рассекался бы и разделялся на рождение Сына и собственное исхождение – а об остальном умолчим, потому что так лучше, и еще большие нелепости, даже не высказанные на словах, не представляют неясности в понимании для разумно и с благоговением исследующих. Но так будет, если кто-нибудь станет придумывать, будто Отец изводит Духа по определению природы, а не собственной Ипостаси. Если же об Отце священнословится, что Он изводит Духа как Отец, и благочестивые в этом не сомневаются, то и Сын, поскольку Он богословствуется как Сын, не внесет новшества в достоинство сыновства изведением Духа и не перенесет на Себя, отобрав у Отца, причину изведения, так же, как и неколебимого и нетленного Своего рождения. Ибо это свойства не природы, согласно которой прославляется общность, но Ипостаси, – свойства, посредством которых мы богословствуем различие в Троице.

48. Хорошо. Но, как утверждают некоторые, еретики говорят: «Как же вы не будете уловлены тем, что опровергаете Павла, глашатая Церкви и вселенского учителя? Того небесного человека, который громогласно и поистине небесно провозгласил: *Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!»* (Гал 4:6)». Итак, если Павел, знаток правых догматов, говорит, что Дух исходит от Отца, как не принимающие этого примут самого тайноводителя небес? И кто это всеми средствами опровергает⁵ созерцателя тайных – тот, кто старается пред-

---

⁵ В оригинале употреблено слово из юридического лексикона *παράγραφος*: «делать заявление о недействительности иска». Соответ-

ставить его противоречащим своему Учителю и всеобщему Владыке, или кто чтит и воспевает его согласие с Ним? Ведь если Владыка тайноводствует, что Дух исходит от Отца, а Павла ересь выставляет постановляющим, что от Сына, то кто опровергает, а вернее, обвиняет его в противоречии с Владыкой и навлекает на себя неизбежное наказание за дерзость? Видишь, как ты умешь не лишать учителя вселенной учительских почестей, как порочным мнением хулишь путеводителя ко спасению, вместо того чтобы почитать и уважать его? Но ересь не делает ничего нового против обыкновения. Ведь раз она оклеветала Самого Сына и Слово Божие, что Он впал в разногласие [с Самим Собой], то разве не последовательно она поступает, ставя в противовес Его верного служителя и ученика в противоречии и стараясь показать его поправляющим Учителя.

49. Да где Павел говорит, что Дух исходит от Сына? Что Он есть Его Дух (ведь Он не чужд Ему, ни в коем случае!), сказал и он, и Церковь Божия тоже знает и исповедует, а что «исходит от Сына», то этой хулы и его богоглаголивый язык не произносил, и никто из благочестивых (далеко до такой клеветы) не писал, но и даже выслушать не потерпел бы.

50. Павел, который в течение божественной проповеди показал, что размеры вселенной меньше его ревности, сказал о Духе Сына Его. Почему же и ты не говоришь этого, но злоумышляешь и переворачиваешь с ног на голову, и извращаешь речение проповедника? И, что еще хуже, свою извращенность и богохульство относишь к высказыванию учителя?

51. Он сказал: *Дух Сына* – хорошо и богомудро. Зачем же ты переиначиваешь его слова и утверждаешь то, чего он не говорил, а то, о чем он даже не помышлял, не стыдишься провозглашать, как будто он это говорил? *Дух Сына Своего*: ведь и нельзя было лучше сказать по-другому – ибо Он единоприроден и единосущен Сыну и Его славе, чести и господству. Итак, кто говорит: *Дух Сына Своего* – научает неотличимости природы, а причину исхождения никоим образом не привносит, и знает единство сущ-

---

ственно, «всеми средствами» в оригинале выглядит как «всеми судебными решениями».

ности, а единоприродно Произведшего Ипостась никак и никоим образом не проповедует и на Причину не указывает.

52. Что же? Разве не богословствуется всеми, что и Отец есть Отец Сына? Значит, из-за этого ты обратишь рождение на Него? Если Отец называется Отцом Сына, то не потому, что Тот рожден, а потому, что единосущен, – а если хочешь, и потому, что рожден: так как же у тебя здесь речение «Дух Сына» вместо того, чтобы называть Духа Причиной и Изводителем, перевернулось в положение изводимого и следствия? Ведь если тебе пришла прихоть выражать нечестие через подобие речений, то одинаковым нечестием было бы для тебя называть Духа Изводителем Сына, как и наоборот, Сына – Изводителем Духа, но все же заблуждение казалось бы порожденным неким поводом и примером. Теперь же у тебя и неразумие богоборствует, и богоборство спорит и соперничает с глупостью за преизбыток.

53. Итак, Церковь священнословит, что и Сын Отчий, и Отец – Сына, ибо Они единосущны, и из-за того, что Сын богословствуется рожденным от Отца, и Отец называется Отцом Сына, мы, уж конечно, не будем хулить, что и наоборот. Вот так и когда мы священнословим Духа Отца и Сына, мы, разумеется, вводим этими выражениями единосущие Их Друг с Другом, – но мы знаем, что Дух единосущен Отцу, потому что от Него исходит, а Сыну единосущен не потому, что от Него исходит (совсем нет: ведь и Сын [единосущен] Духу не из-за рождения), но потому, что и Тот, и Другой произошли прежде веков и единым чином от Одной и неделимой Причины.

54. *Дух Сына Своего.* Уразумей, человече, и не приготавливай себе из богомудрого и спасительного речения глашатая истины причину губительного недуга. Не трудно протрезвиться, не требуется для этого более острого ума, ни поднаторевшего углубляться в потаенное; одно гласит – *Дух Сына Его*, а другое тайноводствует – *Дух, от Отца исходящий*. И пусть подобие падежей не толкнет тебя в неисцелимое падение. Ибо многие из высказываний, производимые подобным оборотом речи, передают совершенно не похожий даже близко смысл, и я собрал бы для тебя пространнейший перечень таких вещей, если бы твое непослушание не обратило мое старание в медлительность.

55. Ты же, возможно, склонись к тому, чтобы сказать [это], а вернее, будучи рабом своих законов, вынужден будешь не отступать от нелепости. Поскольку Сын не только богословствуется как сияние Отчее и Свет от Света, но и Сам говорит: Я – свет мира (Ин 8:12), а Сын есть единосущный Свет Света-Отца, то справедливо было бы тебе – не говорю наложить на себя – но отвергнуть сплетенную тобою из твоей мудрости, образа мыслей и языка петлю и поискать, как можно было бы избежать гибели от удавки.

56. Павел, широтой евангельской проповеди сделавший тесным круг вселенной, сказал: *Послал Бог Дух Сына Своего*; когда ты говоришь, что он сказал это, мы не требуем для тебя никакого наказания, но когда ты постановляешь нечто, чего он не говорил, как будто такова была его проповедь, мы вынесем тебе приговор как виновному в нечестии и заслужившему наказание. Тот небесный человек сказал: *Дух Сына Своего*, – а ты, будто взошел и выше третьего неба и сам слышал таинственные слова, опровергаешь его речение как несовершенное и отлучаешь от своей веры, усвершенствуя же его несовершенство, вместо того, чтобы говорить *Дух Сына Своего*, постановляешь (о непревзойденная дерзость!), что Дух исходит от Сына и, сочиняя это и богохульствуя, нисколько не стыдишься записывать себе в защитники хулимого [тобою] учителя. Поистине, ты показал, одержимый и исполняемый каким духом, ты изрыгнул столь великий и обильный яд нечестия.

57. Хочешь ли, я приведу тебе и другие священные речения, которыми выставляются на позор злые козни твоего безумия и помешательства? Всесвятой Дух священнословится Духом премудрости, Духом разумения, Духом знания, Духом любви, Духом целомудрия, Духом усыновления. *Потому что вы не приняли духа рабства, [чтобы жить] в страхе*, – говорит Павел, который распространил невечерний свет истины по всему солнечному кругу и охватил всю землю исходящими оттуда лучами, – *но Духа усыновления* (Рим 8:15); и вновь: *ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия* (2 Тим 1:7). Дух называется и Духом веры, обетования, силы, откровения, совета, могущества, благочестия и кротости (см.: Ис 11:2; Еф 1:13, 17): *Если и*

впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости (Гал 6:1), – говорит Павел, огненный язык Духа. А также Духом разумения: Я позвал по имени Веселе-ила, и Я исполнил его Духом премудрости, ведения и разумения (Исх 31:2–3). Называется Он и Духом смирения, как пели отроки, орошаемые посреди огня: Но с сокрушенной душой и смиренным Духом (ἐν ψυχῇ συντετριμμένῃ καὶ Πνεύματι ταπεινώσεως) да будем приняты (Дан 3:39). Но Он именуется и Духом суда и огня, ибо Исаия вопиет: Господь очистит их Духом суда и Духом огня (Ис 4:4), чем выражается карательная и очистительная сила Духа. Но и Духом исполнения, как говорит сострадательнейший из пророков Иеремия: Путь дочери народа Моего не к святому и не к чистому Духу исполнения (Иер 4:11), вместо: «Она не исполнена чистого и святого Духа». Что же, из-за этого ты надмеваешься? Ты будешь богоборствовать, что Всесвятой Дух исходит от дарований, которые Он доставляет и дарует, и от них получает существование и исхождение? И пусть приглашение нечестия, подольстившись, не убедит тебя мудрствовать против твоего собственного спасения. То, что Сын возвещается нашими священными речениями как Слово Божие, и Премудрость, и Сила, и Истина, – знание об этом распространяется на всех, а что и Всесвятой Дух называется не только Духом Сына, но и Духом дарований, над раздаянием которых Он имеет власть, равным образом известно удостоившимся иметь ум Христов (1 Кор 2:16).

58. Итак, твой закон предпишет тебе, а вернее, заставит говорить, что Дух исходит не только от Сына, поскольку Он называется Духом Сына, но и от разумения, и от раздаяния дарований, и от множества прочих боголепных действий и сил, источником и подателем которых славословится и познается Всесвятой Дух, а особенно от веры и откровения, обетования и суда, и разумения, – потому что у тебя нет возможности даже при сильном желании злословить, будто этим именуется Сын.

59. Если же кто-то считает, что здесь под «духом» понимается не Сам Всесвятой и единосущный Отцу и Сыну Дух, но от Него истекающие дарования усваивают наименование Духа, потому что они к Нему относятся, и Он раздает их, то я, хотя у меня много чего есть сказать, сейчас, однако [об этом] говорить не буду.

Почему? Потому что даже если допустить это, доводы их беззакония обличаются ничуть не хуже: ведь поскольку дарования называются дарованиями Духа, а новоявленный закон предписывает им проповедовать, что Дух исходит от того, Духом чего Он называется, они уже не скажут, что Дух производит то, Духом чего Он называется, но, перевернув, будут говорить, что от разумения исходит и производится дарование мудрости и всего остального вышесказанного. Так что не дарование, то есть Дух через духовное дарование доставляет разумение, или мудрость, или силу, или усыновление, или откровение, или веру, или благочестие, но скорее, наоборот, разумение, и откровение, и благочестие, и вера, и целомудрие производят дарования, которые тебе по душе называть духами, и таким же образом все остальное. Вернее же, если ты считаешь, что каждое из дарований называется духом, и с числом даров увеличивается множество духов, и здесь для тебя нет никакой разницы, говорить ли о духе или о даровании, – а твое законодательство повелевает, чтобы Дух исходил и изводился от того, Духом чего Он называется, – то, значит, ты, разделив каждое из дарований надвое, сделаешь вместо одного многими? Чтобы одно было доставляющим, а другое доставляемым, и одно изводящим, а другое изводимым, вера веру, и разумение – разумение, и ведение – ведение, и сколько времени можно потратить, разбирая твои бредни!

60. Но ересь приводит и вот к какому выводу против себя: Всесвятой Дух раздает дарования достойным, – она же, ничем, похоже, не довольствуясь, даже Его раздаянием, разделяет их и измельчает, и разделяет на много частей, чтобы ее приверженцы могли больше и обильнее красоваться дарами – и произошло с ними смятение и путаница в разуме, обращающая природу и порядок вещей в смуту и беспорядок, и первое основание злочестия, рождающее множество ересей. Но даже если этого предостаточно, чтобы убедить не полностью отпавших в нечестие и обличить предпочитающих бесстыдство, и исправить уклонившихся в суеверие, мы все же не пропустим и остального. Ибо кто-то из больных одним лечением, а кто-то – другим или избавляется от болезни, или уличается в том, что по доброй воле и порочности образа мыслей стал неизлечимым.

61. Поэтому несправедливо оставить без внимания и вот что. Если Сын рожден от Отца, а Дух исходит от Сына, то как же злочестие согласно собственному мнению не превратит Духа во внука и не уведет страшное [таинство] нашего богословия в многословные бредни?

62. Можно и вот откуда увидеть преизбыток злочестия. Если Отец есть ближайшая Причина Духа, как и Сына, – ведь и рождение, и исхождение одинаково непосредственны⁶, ибо и Сын не рождается через посредство чего-либо, и Дух не исходит – а вздор нечестивцев говорит, что Дух исходит и от Сына, то Одна и Та же Причина, Отец, будет провозглашена и ближайшей и отдаленной Причиной одного и того же, чего нельзя мыслить даже применительно к текучей и изменчивой природе.

63. Ты видишь безрассудство злочестия? Посмотри и с такой стороны: последовательно будет богословствовать, что Сын рождается и Дух исходит от Отца одновременно, и не быть в неведении относительно законов бестелесной и преестественной природы, и что Дух одновременно исходит и от Отца, и от Сына – ибо «раньше» и «позже» чуждо вечной Троице. [Тогда] как же различие боготворящих Причин не произведет различных Ипостасей и не внесет рассечения в неделимую, простую и единую Ипостась Духа? Ведь то, что от одной Ипостаси проистекают различные действия и силы, особенно у сверхъестественных и превосходящих слово, легко можно видеть и найти тому множество свидетельств, а Ипостась, относимую к различным причинам, нигде обнаружить нельзя, если только она из-за различия причин не различается и не рассекается сама в себе.

64. Вдобавок же к сказанному все, что единично в Боге (πᾶν ὅπερ ἔν ἐστι μὲν τῷ Θεῷ), но не усматривается в единстве и единоприродности вседержительной Троицы (ἐν τῇ ἐνότητι δὲ καὶ ὁμοφυίᾳ τῆς παντοκράτορικῆς Τριάδος), это обязательно принадлежит Одному из Троиц. Исхождение же Духа не относится к созерцаемой в Троице преестественной Единице, и значит, принадлежит Одному из

⁶ Фотий здесь игнорирует древнюю патристическую традицию, предполагающую посредническую роль Сына в исхождении Духа (per Filium, δι' Υἱοῦ). – *Прим. ред.*

Троих, и только. Нужно обратить внимание и на такое рассуждение: если Дух исходит от Сына, но не позже и не раньше, чем Он Сам рождается от Отца (ибо эти наречия времени совсем далеки от превечного Божества), следовательно, Дух исходит от Сына тогда же, когда Сын рождается от Отца. Итак, если Сын тогда же изводит Духа через исхождение, когда [Сам] происходит через рождение, и Дух получает существование вместе с Ним, производящим и происходящим (ибо таков урожай нечестивого посева), то, значит, когда рождается Сын, Дух равным образом и рождается вместе с Ним, и исходит от Него, так что Дух вместе и рожден, и изошел: рожден, потому что происходит вместе с рождающимся Сыном, а изошел, потому что претерпевает двойное исхождение – и что можно уличить в более тяжком нечестии или безумии?

65. Видишь свои ухищрения и злоупотребление свидетельствами, в какую яму заблуждения и гибели они тебя столкнули, и что слова: *от Моего возьмет*, как и: *Послал Бог Дух Сына Своего* не предоставляют никакого подтверждения твоему богохульному языку, но и более всего обличают его дерзость и налагают неизбежное наказание. Но доколе нужно задерживаться на том, что уже точно и многосторонне доказано, тогда как нужно развеять и если что другое выдвигает их порочный образ мыслей.

66. Они противопоставляют догмату Церкви Амвросия, Августина и Иеронима и некоторых других, ибо говорят, что те учили об исхождении Духа от Сына: «И не следует возводить на священных отцов обвинение в злочестии. Ведь либо они благочестиво учили, и те, кто считает их отцами, должны быть согласны с их мнением, либо нужно отвергать вместе с мнением и их как зачинателей злочестивых догматов». Так говорят некоторые, безрассудством подобные юнцам, боясь, как бы что из неприкосновенного избежало их дерзости незатронутым, насколько это удастся их намерению и старанию. Ибо им недостаточно было ни искажения Владычного речения, ни клеветнического обвинения в нечестии глашатая благочестия, но они считают свое устремление незавершенным, если не поищут, чем оскорбить тех, кого они воспевают как отцов. Слово же истины, посрамляющее их и здесь – просто. Оно говорит: «Поймите, куда вы несетесь, насколько глубоко вы погружаете вашу гибель в самую важную часть души».

67. Кто считает поистине отцами тех священных мужей, которых ваша злая любовь к отступничеству заставила вас выдвигать защитниками злочестия? Кто скорее сохраняет за ними отеческие права? Те, кто совершенно не принимает, что они в чем-либо противоречили всеобщему Владыке, или принуждает их войти в противоборство со свидетельством Владычного речения и собственными изобретениями извращать то дивное тайноводство, в котором мы богословствуем исхождение Духа от Отца. Да и разве не ясно, что ересь на словах называет упомянутых мужей отцами (ведь для простого имени ей не жаль и любой чести), а на деле и в уловках, обосновывающих ее собственное утверждение, они изгоняют их на сторону богоборцев и растлителей, если во всем дерзкие еще не считают, что их Отцы украшаются подобными преимуществами.

68. Амвросий, Августин или кто другой сказал нечто, противоречащее Владычному речению. Кто это говорит? Если я, то я – оскорбитель твоих отцов. Если же ты говоришь, а я возражаю, то ты оскорбляешь, а я осуждаю тебя как оскорбителя твоих отцов. Но, говоришь ты, они так писали, и в их речах содержится, что Дух исходит от Сына. И что это? Если они, наученные, не передумали и не переменили мнение от справедливых обличений, то ты говоришь дело и твое неосведомленное мнение (это опять еще одна клевета на твоих отцов) восходит к их учению. Если же они, как свойственно людям, хотя в остальном процветали в наилучшем, впали в некое незнание или допустили недосмотр, но, будучи научаемы, не возразили и не были заносчивы с настаивающими, какое тебе дело? Как же ты найдешь прибежище у них, которые ничем на тебя не похожи, чтобы избежать неизбежного наказания? Ибо если им не пришлось даже попробовать того, чем ты наслаждаешься, и при том, что им было присуще много другого, достойного восхищения, в чем сияет добродетель и благочестие, они по незнанию или недосмотру высказали твое злочестие⁷, то зачем ты их человеческое упущение вносишь для

---

⁷ Это можно отнести лишь к Амвросию, в то время как у Августина понятие о «двойном исхождении» имеет характер хорошо продуманного учения. – *Прим. ред.*

себя как закон, чтобы быть злочестивым, а из твоего закона объявляешь беззаконниками тех, кто не был уловлен как законодательствующий что-либо подобное, и под личиной любви и благосклонности требуешь для них наказания за крайнее нечестие? Ибо недобрые последствия имеют твои состязания. Но посмотри на преизбыток нечестия и неразумие порочного образа мыслей. Они приводили в подтверждение Владыку – и пойманы на клевете; призвали на помощь учеников – и уловлены в том, что и на тех таким же образом возводили клевету; прибегли, опять-таки, к Отцам – и вместо великой чести осыпают их хулой.

69. И отцами они их называют (ведь называют же), но не для того, чтобы уделить им отеческую почесть, а чтобы найти, как стать отцеубийцами⁸. Они не боятся даже слов боговещанного Павла, которые с большой злонамеренностью обращают против своих отцов. Ведь он, получивший власть вязать и решить, и страшные и вместе крепкие узы (ибо они относятся к самому Царству Небесному), вот он возгласил громким и ясным голосом: *Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал 1:8). Павел, немолчная труба Церкви, столь великий, предаст анафеме тех, кто дерзает принимать и привносить какое-либо другое мнение помимо Евангелия, – и не только других, которые осмелились бы на это, подвергает безотлагательному проклятию, но и самого себя, если окажется виновным, считает подлежащим равному наказанию. И даже этим не ограничивает страшный приговор, но обследует и само небо – и если обнаружит ангела, явившегося оттуда к земным жителям и благовествующего нечто помимо евангельской проповеди, ввергает в такие же узы и отправляет к диаволу. А ты, призывая отцов для поругания владычных догматов, для поругания и проповеди, глашатаями которой были ученики, для поругания всех вселенских соборов, для поругания проповедуемого по всей вселенной благочестия, не страшишься, и не трепещешь, и не боишься угрозы? Но и считаешь, что тебе нельзя жить без того, чтобы не распространить ее и на своих отцов – и тот не благоговеет даже перед бестелесной природой,

---

⁸ Греческое слово *πατρολοίας* означает, собственно, «бьющий отца».

и не находит повода для робости даже в том, что они суть чистые умы, чисто и непосредственно предстоящие Владыке, но равно с земными совлекает их в анафему. Ты же, называющий Амвросия и Августина и других (увы, губительная честь!) отцами, вооружая их против Владычного тайноводства, полагаешь навлечь на себя или на них более легкое осуждение? Ибо не доброе воздаяние уделяешь ты своим Отцам, не добрые награды приносишь родителям, но на тех блаженных мужей, как непричастны они были к твоим ухищрениям и непослушанию с нечестием, так и анафема против тебя не будет иметь возможности перейти. Ты же, однако, тем, что полагаешь отсюда подтвердить злочестие, явными и громче всякого гласа вопиющими делами высказываешь против них анафему.

70. И я не говорю, что то, в чем ты их обвиняешь, было непременно столь явственно постановлено ими, но если даже случилось им сказать нечто такое (ибо они были люди, а состоящему из глины и текучего вещества невозможно всегда быть выше человеческих ошибок – бывает, что и на самых лучших появляются некие следы загрязнения) – итак, если они в чем-то и сбились на неподобающее, я бы скорее подражал благонаравным сыновьям Ноя и вместо одежд молчанием и благожелательностью прикрыл бы отцовское неприличие, а не поступил бы, как ты, подобно Хаму. Вернее же, ты гораздо горше и бесстыднее его обличаешь тех, кого называешь отцами, в непристойности: тот был проклят не за то, что открыл, а за то, что не прикрыл, а ты и открываешь, и гордишься дерзостью; и тот выдает тайну братьям, а ты – не братьям, и не одному или двоим, но всю вселенную, насколько может твое старание и бесстыдство, делая слушателями, громко трубишь о том, как твои отцы поступали неприлично – и бесчинствуешь в их неприличии, и наслаждаешься их бесчестием, и ищешь сотоварищей, чтобы с их помощью еще нагляднее обнародовать их поругание и неприличие.

71. Августин и Иероним говорили, что Дух исходит от Отца. Но откуда можно удостовериться или удостоверить, по пропущенности столь долгого времени, что их сочинения не испорчены? Ибо не считай только себя горячим в нечестии и дерзким на неприкосновенное, но скорее представь по сходству со своим умо-

настроением, что и тогда ничто не мешало изобретательному врагу рода [нашего] найти в изобилии такие орудия.

72. Те, о ком ты говоришь, сказали это. Если же по какому-то обстоянию, или отражая бешенство язычествующих, или сражаясь с другим еретическим мнением, или снисходя к слабости слушателей, или сколько таких вещей ежедневно приносит человеческая жизнь – итак, если им случилось из-за этого или еще чего-то высказать такое речение, то как ты, сделав для себя догматом и законом то, что было ими сказано не в догматическом смысле, навлекаешь на себя непоправимую гибель, а их тщишься совлечь в свое безумие?

73. Сказал глашатай вселенной, зритель тайного, облагородивший человеческую природу своими нравами, сказал он, возражая язычествующим, разливавшимся в пространных речах и заставляя их вознесшуюся надменность склоняться долу, а скорее снисходя к их немощи – и что сказал? *Проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу».* Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам (Деян 17:23). Что же? Из того, чем учитель Церкви пленял эллинских мудрецов и от нечестия руководствовал и переводил к благочестию, ты сделаешь догмат и осмелишься заявлять, что ниспровергатель идолов проповедовал того, кого язычество именовало и почитало неведомым Богом? Ибо неудивительны прилежание твоей мудрости и плетение злонамеренных ухищрений. Жертвенник был посвящен Пану, а город афинян, до поры не понимая имени почитаемого, написал на жертвеннике: «Неведомому Богу». Ибо поскольку этот умный и небесный человек видел, что эллинов не убедишь пророческими вещаниями и Владычными речениями, он призывает их от самих их богомерзких святынь к почитанию Создателя – из самих знаков диавола он предаст осуждению его тиранию; из [его] укреплений низвергает державу его власти; из заблуждения возделывает благочестие; из гибели возвращает для нас ростки спасения; из петли дьявольской укрепляет на путь Евангелия; из вершины отступничества делает входной порог, через который они могли войти в брачный покой Христов и Его непорочный чертог, – Церковь. Так этот возвышенный ум был деятелен в том, что оружием врага

поражал и брал в плен самого врага и черпал для себя силу свыше. Что же? Из-за того, что Павел поверг врага его же оружием, ты будешь почитать вооружение врага и называть его божественным оружием, и возьмешься за него, чтобы убить самого себя? И сколько таких примеров можно взять у него, все устроившего силой Духа в мудрости!

74. Да зачем нужны примеры? Он сам говорит ясными словами: *Для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона (1 Кор 9:20–21)*. Значит ты возобновишь из-за этого иудейство или узаконишь, чтобы в жизни вместо божественных и человеческих установлений господствовало беззаконие, и бесстыдно, а вернее весьма безбожно возопишь, что это – заповеди и проповедь Павла?

75. У скольких и других из блаженных и святых отцов наших можно найти такие вещи! Подумай о римском архиерее Клименте и о том, что носит его имя, «Климентинах» (чтобы не сказать, как издревле утверждается, что это сочинение было написано по повелению первоверховного Павла), о Дионисии Александрийском, который из-за противостояния с Савеллием чуть ли не протянул руку Арию; сияющего в священномучениках великого Мефодия Патарского, который не прогнал от себя мнение о том, что бестелесная и бесстрастная природа ангелов ниспала до смертной любви и телесной связи. Думаю, я оставлю в стороне Пантена и Климента, Пиерия, Памфила и Феогноста, мужей священных и учителей священных учений, чьи положения мы не обязательно все принимаем, но им воздаем большую честь и приятие, уделяя им почести за добрую жизнь и прочее священнословие, особенно Памфилу и Пиерию, потому что они прославились и мученическими подвигами. Вместе с ними опустим и западных – Ириней, архиерея Божия и стяжавшего священное предстояние Лугдуна, и Ипполита, его ученика и мученика среди архиереев, мужей во многом дивных, но иной раз не удержавшихся в некоторых своих речах от уклонения от правосмыслия.

76. Выставишь ли ты и против всего этого свою дилемму и скажешь ли заносчиво: «Следует или, почитая этих мужей, не опровергать того, что они написали, или, опровергая некоторые из [их] высказываний, ниспровергать и их самих?» Разве они скорее и справедливее не обратят твою ловкость против тебя, говоря: «Человече, зачем ты связываешь несвязанное? Если ты поистине называешь нас отцами, как ты не боишься вооружать нас против отцов, и, самое тяжкое, против всеобщего Владыки и Создателя всех? А если уж твое старание в том, чтобы бесчинствовать против нас, разве ты не явно беснуешься, одновременно называя нас отцами и поднимая на нас отцеубийственные руки?» И до чего другого дойдет твое против тебя обратившееся ухищрение? Но как и упомянутых отцов, так и эти вещи мы пока оставим.

77. Кто не знает, что великий Василий, царская риза⁹, в чертогах души сохранял благочестие в неприкосновенности, но умолчал о Божественности Духа? О, божественная любовь горячей души, которая пока не испускает своего пламени ярче, чтобы оно не угасло вскоре одновременно с самой вспышкой и блеском прямой речи! Итак, он, суждением устроая свои речи и приспособляясь скорее малыми прибавлениями возвещать благочестие (ибо когда пламя учения постепенно проникает в людские души, оно вспыхивает сильнее, а если сияние является быстро и сразу, умное око, особенно у большинства, обычно помрачается, как и молния затемняет зрение, особенно более слабое), поэтому умалчивает о том, что он горел желанием проповедовать прежде всего другого. Хранил же он молчание, чтобы, когда придет время, иметь возможность тем более громко проповедовать умалчиваемое: пространную книгу составил бы тот, кто захотел бы записать имена таких людей и причины, по которым они часто не показывали цветок истины, чтобы и сам цветок прекрасно расцвел и лучше прибавлял в росте, и они собрали многократный урожай, – но ими мы восхищаемся и за превосходящее слово вдохновение, и за мудрое устройство, а если кто силится привнести эти вещи в Церковь как законы

---

⁹ Имя «Василий» означает «царский».

и догматы, то мы считаем его врагом святых, врагом истины и разрушителем благочестия, и присуждаем к наказаниям, повинным которым он сам для себя сделался.

78. Ты выставляешь отцов с Запада, а скорее тщишься разлить этот глубокий мрак по всей вселенной. Я же зажгу для тебя с самого Запада невечерний и умный свет благочестия, чьего сияния твой мрак не выдержит и исчезнет. Амвросий сказал, что Дух исходит от Сына. Эта мгла сходит с твоего языка. Но возражает блистающий православием троблаженный Дамас, и тьма твоя быстро исчезает. Ибо он, утверждая второй Собор, чьи догматы приняты пределами вселенной, явственно исповедует, что Дух исходит от Отца. Сказал Амвросий или Августин. Опять другое помрачение изливается из твоих уст. Но Целестин не говорил, не слышал, не принял, и, воссияв зарей православия, рассеивает твой мрак.

79. И зачем мне задерживаться на других? Великий Лев, явивший еще более священным священное попечение о Риме, столп четвертого Собора – он, озаряя тем же самым светом православия не только Запад, но и восточные пределы, в своих богодухновенных учительных посланиях, через представителей его полномочий и в том согласии, которым он украсил великое и богоизбранное собрание, отчетливо учит, что Всесвятой Дух исходит от Отца – и не только, но и тех, кто восстает постановлять что-либо иное помимо мнения Собора, кто [из них] имеет священнический сан, тех объявляет лишенными священства, а кто занимает место простых людей, ведут ли они иноческую жизнь, или числятся в гражданском сословии, тех предаёт анафеме. Ибо то, что определяет богодухновенный Собор, боговещанный Лев явственно запечатлел через священных мужей Пасхасина, Лукенсия и Вонифатия, как можно несчетное число раз услышать от них самих, и не только их, но и от пославшего их: ибо тот, посылая соборные послания, свидетельствует и подтверждает, что и слова, и мнение, и решения его местоблюстителей принадлежат скорее не им, а ему самому, – хотя и если ничего такого не было бы, вполне достаточно того, что он послал вместо себя заседающих на Соборе, а когда тот завершился, исповедал свою приерженность его решениям.

80. Но ничто не сравнится с тем, чтобы услышать сами священные слова, ибо он говорит после изложения веры, которое первый и второй Соборы, удержав, передали: «Достаточно было для совершенного познания и утверждения благочестия этого символа божественной благодати». Он называет его совершенным, а не недостаточным или нуждающимся в добавлении или отнятии. И почему совершенным? Внимай последующим словам. «Ибо, – говорит он, – об Отце, и Сыне и Святом Духе он учит в совершенстве». Тогда почему «учит в совершенстве»? Символ гласит, что Сын родился от Отца, а Дух исходит от Отца. И немного далее: «И из-за сражающихся против Духа Святого он подтверждает учение о сущности Духа, в более позднее время переданное ста пятьюдесятью Отцами, собравшимися в царствующем Граде». И как они подтвердили сущность Духа? Ясно, что сказав, что Дух исходит от Отца. Так что учащий чему-либо иному помимо этого подтверждения опровергает, перемешивает и замутняет, насколько доступно его дерзости, саму сущность Духа. Затем, «из-за сражающихся против Духа Святого». А кто сражался? В древности те, кто объявил своим учителем вместо непорочных Речений Македония, а сейчас те, кто вместо Христа и Его тайноводства, но не могу никого назвать, настолько безглаво их злочестие, – однако кто вместо Спасителя прибег к гибели. Но это и Собор произносит многоязыким и духоподвижным гласом, и всемудрый Лев возглашает и всеми [своими] решениями подкрепляет. Ты же приложи ум к последующему, ибо в конце всей речи он говорит: «Итак, когда мы постановили это со всяческой во всем точностью и тщательностью, определил святой вселенский Собор» (главой которого и был Лев, обладавший царственными и умом и словом). Что определил? «Что никому не дозволено выдвигать, или сочинять, или составлять, или мыслить, или учить вере других. А кто осмелится или составить иную веру, или предложить, или учить ей, или преподавать иной символ желающим обратиться от язычества, или иудейства, или же от какой бы то ни было ереси, те, если они епископы или клирики, должны быть лишены: епископы – епископства, клирики – клира, а если монахи или миряне – анафематствованы».

81. Посмотрите, слепцы, и услышьте, глухие, сидящие во тьме еретического Запада и одержимые ею, воззрите на вечно сияющее светило Церкви и поглядите на доблестного Льва, а вернее, послушайте трубный глас Духа, что Он через него трубит против вас, и трепещите, страшась если и никого другого, но вашего отца, а скорее через него и остальных, которые, благоугодив на предыдущих соборах, сопричисляются к сонму избранных отцов. Ты именуешь отцами Августина и Иеронима, и других таковых – и хорошо делаешь, не потому, что называешь, но потому, что не делаешь для себя предметом гордости отрицание их отеческого именованья. И если бы твоя уловка относительно отцов на этом остановилась, то насколько несовершенно злоумышление, настолько более умеренного оно требовало бы наказания. Ибо властвовать над нечестивым образом мыслей и не доводить его до конца значит усекать тяжесть злодеяния, а это укрощает и смягчает неотвратимость кары. Ты решил пугать нас отцами, против которых ты бесчинствуешь. Но сонм отцов, которых выставляет против твоих уловок благочестие, суть отцы отцов – ведь вы и не будете отрицать, что они отцы тех самых, кого вы считаете отцами, а если вы будете, то те-то не будут.

82. Подумайте об их сопрестольнике и равном славой, о славном Вигилии – ведь и он присутствовал на пятом Соборе, а тот тоже блистает вселенскими и святыми постановлениями. Итак, он, как непреложное мерило, прилагаемое к правым догматам Собора, и в остальном произносил слова согласия, и Всесвятого и единосущного Духа с равной и подобной прежде бывшим и сопутствовавшим ему отцам ревностью провозгласил исходящим от Отца и наложил те же узы анафемы на тех, кто пожелал бы выдвигать в качестве догмата нечто иное помимо единогласной и общей веры благочестивых.

83. Ты увидишь, что добрый и благой Агафон гордится теми же доблестями: ибо он, присутствуя на шестом Соборе (который тоже блистает достоинством вселенского), хоть и не телесно, но умонастроением и всяческим усердием, через своих местоблюстителей поддерживал и украшал его, почему и сохранил непреложным и без новшеств, согласно предыдущим Соборам, символ подлинной и чистой нашей веры и, подтверждая [его], предал

тем же проклятиям тех, кто дерзает исказить что-либо из постановлений Собора, а вернее, из изначальных догматов.

84. Как мне обойти молчанием Римских архиереев Григория и Захарию, мужей прославленных добродетелью и взрастивших паству богомудрыми поучениями, воссиявших же и дарованиями чудес? Ибо хотя ни один из них не заседал на вознесенном вселенскими полномочиями Соборе, они, однако, ясно и очевидно, подражая тем, богословствуют исхождение Всесвятого Духа от Отца. Божественный Григорий процвел по прошествии недолгого времени после шестого Собора¹⁰, а боговещанный Захария – сто шестьдесят пять лет спустя. Они, лелея владычное и отеческое учение и проповедь в душе, словно в непорочном и чистом брачном чертоге, вынесли его оттуда неповрежденным, один на латинском языке, а другой – на греческом наречии, благочестивым служением сочетав паству со Христом, истинным Богом и Женихом душ наших. Но, как я сказал, этот премудрый Захария огласил греческой трубой по вселенной и прочие сочинения священного Григория, и запечатленную в Диалогах пользу – итак, эта богоносная чета в конце второго диалога, когда недоумение архидиакона Петра (это был боголюбивый муж), почему силы чудотворений присущи скорее частицам, чем целым мощам, они разрешают так, что и то, и другое обладает Божественной благодатью, но действие лучше проявляется на частицах, потому что относительно целых ни у кого не возникает помысла, будто мощи не принадлежат тем святым, о которых говорится: не то, чтобы они не могли изливать чудеса благодаря предстательству добропобедных душ, подвизавшихся вместе с телами в борениях и трудах, однако немало немощных в этом оскорбляют частицы сомнением, что они не принадлежат тем святым, чьими именуются, и не удостоиваются такой же благодати и посещения. Вот поэтому скорее именно там, где, как кажется, преобладает сомнение, ипостасный и неиссякаемый Источник против всякой надежды щедрее изливает чудеса. Итак, разрешив это недоуме-

---

¹⁰ По-видимому, либо Фотий ошибся, либо в тексте оригинала опечатка: папа Григорий Великий умер в 604 г., а VI Вселенский Собор проходил в 680–681 гг. – *Прим. ред.*

ние вместе со многими другими, разобранными ранее, один, как я сказал выше, по-латыни, а другой – в греческом переводе, немного далее прибавляет нечто такое: «Дух Утешитель происходит от Отца и пребывает на Сыне (τοῦ Πατρὸς προέρχεται καὶ ἐν τῷ Υἱῷ διαμένει)»¹¹.

85. Это священнословие первым произнес Предтеча тех, что в благодати, а от него научилось множество верных, и благочестие всегда видится здесь сияющим. Ибо тот, чуть ли не сказать сверхчеловеческий, человек, крестя в потоках Иорданских Источник жизни и бессмертия и Владыку и Создателя всего и видя небеса отверстыми, чудо, чудесами свидетельствуемое, созерцал Всевятой Дух сходящим в виде голубя. Воистину же глас Слова при видении незримого произнес слова: *Увидел я Духа Божия, Который сходил, как голубь, и пребывал на Нем*¹² (Мф 3:16). Итак, Дух, сходя от Отца, пребывает на Сыне, а если угодно, и в Сыне, ибо различие падежей не вносит тут никакого изменения. И пророк Исаия, изначально возвещая подобное же и относя вещание к личности (πρόσωπον) Христа, говорит: *Дух Господа на Мне, ибо Господь помазал Меня* (Ис 61:1). Слышал ли ты когда-нибудь тех славных Григория или Захарию (ибо, может быть, скорее они переведут в стыд твое бесстыдство), слышал ли, как они говорят: Дух в Сыне пребывает – и как сразу отсюда не перешел к речению Павла, в котором он говорит: *Духа Сына Своего* (Гал 4:6), и вместо того, чтобы придумывать небылицы об исхождении, не пробудился к пониманию того, что раз Дух пребывает в Сыне, Он справедливо назывался бы Духом Сына? Ведь единственная причина Духа в Сыне не была бы неявной и не убеждала бы насильно, из-за чего говорится *Дух Сына*. Что ближе позволяет мыс-

¹¹ В латинском оригинале эта фраза имеет совершенно иной смысл: «Так как ясно, что Дух Утешитель вечно исходит от Отца и Сына, почему же Сын говорит, что Сам уйдет для того, чтобы пришел Тот, Кто никогда не отходил от Сына?» (Cum enim constet quia Paracletus Spiritus a Patre semper procedat et Filio, cur se Filius recessurum dicit, ut ille veniat, qui a Filio nunquam recedit? – *Gregorius Magnus. Dialogi*, II 38, PL 66, 204BC). Однако свт. Фотий знал текст «Диалогов» папы Григория только в греческом переводе, сделанном при папе Захарии. – *Прим. ред.*

¹² В синодальном переводе: *ниспускался на Него*.

лить апостольское свидетельство – что Дух пребывает в Сыне или исходит от Сына? Вернее же, и само сравнение неуместно. Ведь одно трубит Креститель всеобщего Владыки, и пророк издревле предвозвещает, и Сам Спаситель, читая речение, запечатлевает – и благочестие, приняв отсюда тайноводство, предлежит всем верным в научение, а ты, возникнув из темных врат злочестия, вместо того, чтобы славословить, что Дух пребывает в Сыне и на Сыне, богоборствуешь, говоря, что Он исходит от Сына. Он пребывает в Сыне и потому есть Дух Сына, и поскольку, как я выше сказал, Он – той же природы, и Божества, и славы, и Царства, и силы, – а если хочешь, и потому, что Он помазывает Христа, ибо сказано: *Дух Господа на Мне, ибо помазал Меня*; и так как превосходящее слово зачатие и неизреченное и бессеменное рождение произошло, когда Дух осенил Деву, ибо сказано: *И послал Меня благовествовать нищим* (Ис 61:1). Итак, насколько лучше и последовательнее тебе было бы мыслить и говорить, что благодаря чему-то одному или нескольким из рассмотренного Он называется Духом Сына и Духом Христовым, вместо того, чтобы поставив ни во что эти вещи, которые таковы и имеют такую силу, собственными выдумками и безосновательными воображениями пытаться извращать догматы Церкви? Впрочем, вернемся вновь к славным Захарии и Григорию – они содействуют мне в обличении твоего мнения, ведь обличение от своих внушает больше уважения даже самым бесстыдным.

86. Итак, если Захария и Григорий, отстоя друг от друга на столько лет, не имели различного мнения об исхождении Всесвятого Духа, то ясно, что и в промежутке между ними священный сонм, преемственно предстоятельствовавший священными установлениями Рима, без нововведений провозглашал и лелеял ту же веру¹³ – ибо середина как легко охватывается и завершается, так и поддерживается и направляется крайними пределами. Хотя если кто-то из предшествующих или последующих святых

---

¹³ Как было отмечено выше, большинство Римских пап, начиная со Льва I, исповедовали августиновское учение о «двойном исхождении» Святого Духа, хотя и не возводили его в разряд догмата и не изменяли Символа веры. Подробнее об этом см. вступительную статью А. Р. Фокина. – *Прим. ред.*

мужей будет уличен как уклонившийся в чуждое мнение, то ясно, что в чем он откололся от их веры, в том и отсек себя и от сонма, и от престола, и от архиерейства. Вот так сонм названных святых мужей соблюл всю [свою] жизнь в благочестии.

87. Но тебе неведомо старое и ты не решаешься пересматривать мнение твоих отцов и поистине отцов? Вчера, и еще не миновало второе поколение, как тот знаменитый Лев, который может и некоторыми чудесами похвалиться, пресекая для всех всякий еретический предлог – потому что латинский язык, произнося священное поучение наших Отцов, из-за недостаточности [своей] речи и того, что она не достает до широты греческой, часто не точно и не подлинно, и не под стать смыслу ставит слова, и теснота имен, неспособная точно истолковать подразумеваемое, дает многим повод для инославия в вере – вот поэтому этот богомудрый муж возымел намерение (а причиной, приведшей его к этому намерению, было вместе с вышеназванным и то, что ныне открыто провозглашаемая ересь ходила тогда по граду римлян, произносимая сквозь зубы) – и намеревался он дать распоряжение, чтобы римляне читали священное поучение веры на греческом языке. Ибо посредством такого замысла богодухновенного мужа недостаточность языка была бы восстановлена в полноте и благоустроении, и от благочестивых было бы отогнано происходящее от предубеждения инославие, да и новоявленная скверна вскоре была бы с корнем вырвана из Римского государства. Поэтому он не только в граде римлян поставил объявления и указы, чтобы священный символ нашей веры был, согласно таинственным священнословиям, возвещаем на греческом языке даже теми, кто говорит по-римски, так же как он изначально был провозглашен соборными речениями и постановлениями, но и везде по областям, которые благоговеют перед Римским первосвященством и повинуются ему, разослал, чтобы они то же мыслили и делали, подкрепив непреложность догмата проклятиями, и речами, и соборными грамотами.

88. И это деяние было уважаемо не только пока он был первосвященником, но и кроткий и снисходительный и блистающий подвижническими борениями славный Бенедикт, преемник его на архиерейском престоле, не во вторую очередь старался и признавать, и поддерживать это, хотя время и поставило его вторым

по порядку. Если же после них кто-то коварным и что только не измышляющим языком (ибо он не решался в открытую ополчаться против наилучших и боголюбивейших вещей, сделав прикрытием своего замысла то, что не следует¹⁴ страшному таинству веры разноситься по устам всех) изъял из Церквей и испортил названное богочестивейшее и полезнейшее дело, то он сам это знает (ибо не мне описывать поименно преступные деяния), а вернее, уже горьким и жалким образом познал, неся из-за этого наказание за подспудную дерзость. Но пусть он (ибо он молчит, хоть и не по своей воле) будет извергнут в место молчания. Боговещанный же Лев не окончил на вышесказанном это доброе и Богом подвигнутое попечение и деяние: ведь в кладовых первоверховных Петра и Павла с древнейших времен при расцвете благочестия хранились среди священных сокровищ два щита, на которых греческими буквами и словами было начертано многократно упомянутое священное изложение нашей веры. Их он повелел прочесть перед римским множеством и выставить на всеобщее обозрение, и многие из видевших это тогда и читавших еще живы.

89. Но так и они сверкали благочестием и богословствовали исхождение Духа от Отца. Иоанн же мой (он и по другим причинам мой, и потому что больше других принимал близко к сердцу наши дела) – так вот, этот наш Иоанн, мужественный умом, мужественный и благочестием, мужественный и в том, чтобы ненавидеть и низвергать всякую несправедливость и злочестие, но и способный справляться с государственными делами и приводить в порядок бесчинство – сей благодатный Римский архиерей через своих богочестивейших и преславных местоблюстителей Павла, Евгения и Петра, архиереев и священников Божиих, прибывших на наш собор, принимая Символ, как соборная Церковь Божия и его предшественники, Римские архиереи, подписал и запечатлел его решением, и языком, и священными руками названных славнейших и дивных мужей. Да и после него священный Адриан, послав нам, по старому обычаю, соборное послание, провозгласил в нем то же самое благочестие и богословствовал исхождение Духа

¹⁴ Перевод следует указанному в аппарате чтению: ἀλλ' ὡς οὐ δεῖ вместо: ἀλλ' οὐδέ.

от Отца. Если эти священные и блаженные Римские архиереи и при жизни так думали и учили, и с тем же исповеданием преставились от тленных вещей к непреходящей жизни, – кого могли бы назвать заболевшие еретическим недугом с тех пор, как выпили ядовитое зелье такого нечестия, не выставив их сразу противниками тех, кто просветил Запад православием?

90. Но вы еще не хотите отложить это заблуждение? Я пропою вам и другие заклинания из речений Духа, даже если вы вместо покаяния постараетесь подражать змее, закрывающей уши для голоса заклинателей. Пресвятой Дух называется Духом Божиим, ибо Спаситель говорит: *Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов* (Мф 12:28); и Духом Отца, потому что опять-таки [говорит] Тот же Источник истины: *Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас* (Мф 10:20), и Исаия вопиет: *И почиет на нем Дух Божий* (Ис 11:2); и Духом от Бога, как у Павла, громогласного глашатая правых догматов: *Но вы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога* (1 Кор 2:12), и: *Вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас* (Рим 8:9); Духом Господним, как вопиет Исаия: *Дух Господа на Мне, ибо Господь помазал Меня* (Ис 61:1). Он также называется Духом Сына, Духом Христовым, Духом Того, Кто воскресил Иисуса Христа (Рим 8:11), как вновь тайноводствует Павел: *Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!* (Гал 4:6); и: *Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, живет в вас* (Рим. 8:11); и: *Вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Христов живет в вас* (Рим. 8:9); и: *Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его* (Там же). Ты, конечно, заметил, что о Духе сказано, что Он Божий, от Бога и Отца, и Господа, и Того, Кто воскресил Христа из мертвых, и Дух Отца. Значит, когда говорится «Дух Божий» или «Отца», или «Господа», или «Того, Кто воскресил Иисуса Христа», или «Дух от Бога», то эти выражения обозначают то же самое, что и говорящее «исходит от Отца»? Или же нет никого столь неразумного и пребывающего в крайнем неведении даже о простых словах, чтобы не понимать с легкостью, что каждое из этих высказываний хотя и применяется к тем же Лицам, однако же то [из них], которое говорит, что Дух исходит от Отца, представляет одно значение, а называющее Духа «Божий», «Господним», и каждым из перечисленного –

другое. Ибо первое словом возвещает исхождение, а второе – уже нет, но даже если оно говорится из-за того, что [Дух] исходит от Него, тем не менее ни одно из высказываний не толкует дословно об исхождении. Очевидно ведь, что одно – это сказать, что Дух исходит от Отца, а другое – то, что обозначают слова высказываний, говорящих о Духе Бога, Господа и тому подобном.

91. Хотя даже если бы каждое из этих выражений обозначало исхождение, то поскольку сами божественные речения объявили об исхождении от Отца, и это было бы в нашу пользу: ведь если, согласно этому предположению, Дух тысячу раз мыслится исходящим от Отца, почему ни разу не сказано, что Он исходит от Сына? Ведь нельзя сказать, будто это выражено теми словами, которые вовсе этого не означают, также и потому, что ни в Божественных, ни в человеческих и духоносных речениях никогда дословно не говорится, что Дух исходит от Сына. И если первой и главной причиной того, что говорится «Дух Божий» и подобное, является исхождение (ведь и [Дух] единосущен, потому что исходит, а не исходит, поскольку единосущен); тогда как высказывания «Дух Сына» или «Христа» и такого рода проистекают от многообразных причин (поскольку Он единосущен [Сыну], и потому, что помазывает Его, и потому, что пребывает на Нем, и потому, что Он – в Нем), – итак, если исхождение, будучи главной причиной, по которой говорится, что Дух – Божий, Господень, и тому подобное, однако же не позволяет этими [выражениями] возвещать исхождение, то как же возможно там, где усматривается много причин, по которым Дух воспевается как Дух Сына и Христа, искать непрременное исхождение, хотя оно не соприсчисляется этим причинам?

92. А ты, стало быть, устремивший слух и разум к нечестию, когда услышишь «Дух Христа» или «Сына», пропустив все, что позволило бы тебе не сбиться с пути богословия, сломя голову несешься к тому, чтобы говорить то, до чего никто не докатился. Сказано, что Дух исходит от Отца, сказано, и что Он есть Дух Сына и Бога и прочее, о толковании чего многократно шла речь, – и ничто из этого, кроме первого речения, не означает исхождения: сказано о Духе Сына и Христа и тому подобное, но нигде – что Дух исходит от Сына. Итак, если об исхождении никак не сказано,

разве не совершенно безрассудно и бессмысленно возводить эти выражения к тому, что нигде и никоим образом не произнесено? Ведь дерзкие на любые слова не осмелятся сказать и это, что можно найти в священных Речениях дословное утверждение о том, что Дух исходит от Сына.

93. Рассуди и вот откуда: говорится, что Дух есть Дух Христов, и почему говорится, нетрудно узнать из Исаии, а вернее, из самого Владычного чтения и гласа, ибо он говорит: *Дух на Мне, ибо помазал Меня* (Ис 61:1), так что о Духе одним образом сказано, что Он – *Дух Господень*, и другим, что Он – *Дух Сына*. Первое, как о единосущном, а второе, хотя Он и единосущен, но здесь говорится о Духе Сына из-за помазания: ведь Дух есть Дух Христа, потому что помазывает Его. Ибо Сама Истина говорит: *Дух на Мне, ибо помазал Меня*. Дух помазывает Христа: как мыслишь, человече? В том смысле, что Сын приобщился плоти и крови и стал человеком, или в том, в каком Он извечно есть Бог? Но не думаю, чтобы ты, хоть бы и был во всем дерзок, осмелился сказать второе. Ибо Сын не помазывается как Бог, прочь это! Значит, Христос помазывается Духом как человек, и Дух, поскольку помазывает Христа, называется Духом Христа. А ты говоришь: «Раз Он называется Духом Христа, Он непременно и исходит от Него». Итак, Дух Христа будет исходить от Него не как от Бога, но как от человека, и Он осуществился не изначально и не прежде веков вместе с Отцом, но тогда, когда Сын воспринял и человеческий состав.

94. Настрой свой ум и очнись от заблуждения, человече, и не показывай свое повреждение и рану обличающими всякое лечение. Дух славословится Духом Христовым, потому что помазывает Его, а твой закон погибели предписывает говорить, что из-за того, что исходит от Него. Исходит же Он от Христа, как показало рассуждение, основываясь на твоём мнении, не поскольку Христос есть Бог, но поскольку Он воспринял наш состав. Посему если Дух исходит от Христа постольку, поскольку Он был причастен нашему составу, и, опять-таки, Он исходит и от Сына, поскольку Тот – Бог (ведь это – предписания твоего законодательства), то вывод будет, что человеческая природа единосущна Божеству, если Дух единосущен Сыну, но также и Христу, ибо ты заставляешь Его исходить и до Воплощения, и после Воплощения, а единосущие пока что

не отнимаешь. Итак, если Дух единосущен Сыну, единосущен же и воспринятой природе (ведь ты велишь ему исходить от нее), то и Божество во Христе согласно неопровержимым доказательствам будет единосущно Его человечеству. Я сейчас опускаю представление того, что и относительно Отца твое учение через то же умозрение в рассуждениях выводит единосущие с плотью – а что было бы безбожнее этого нечестия или плачевнее этого заблуждения?

95. А ты еще не хочешь осознать, в какие расщелины и пропасти душевного растления низвергает и погребает тебя твое нежелание повиноваться Христу и Его ученикам и следовать за вселенскими Соборами, и каким-либо образом обращать ум к логическим выводам, которые тоже исходят из священных Речений, но ты обвиняешь всеобщего Владыку, лжешь на доблестного Павла, восстаешь против вселенских и святых Соборов, порочишь же и отцов, а своих архиереев и отцов отсылаешь прочь, отлучая их от образа мыслей истинных отцов, и остаешься глух к логическим умозрениям – и все спасительное поглотила у тебя страсть опасного предубеждения. Но вместо нас сладкопевец и богоотец Давид прокричит тебе: *Образумьтесь, бессмысленные среди народа, и некогда глупые, будьте умны* (Пс 93:8), чтобы вас не схватил общий враг рода [нашего], окружающий нас столькими ловушками, как дикий и рыкающий лев (1 Пет 5:8) на души ваши, и не будет избавляющего (Пс 49:22).

96. Итак, ты получил эти очерки, как и просил, почтеннейший для меня и любознательнейший муж. Если же Господь когда-нибудь возвратит нам плененные книги и писцов, то ты, возможно, если Всесвятой Дух вдохновит нас и будет к нам благосклонен, получишь и свидетельства, приводимые новыми духоворами, а вернее, взбесившимися против всецелого преблагого и триипостасного Божества (ὅλης τῆς ὑπεραγάθου καὶ τριουποστάτου Θεότητος) – ибо они не оставили в Нем ничего, чего не оскорбили бы собственными измышлениями, – а также и обличения, выводимые против них из изречений, которые они сами выдвигают, но и злоумышления их и козни, и, конечно, неопровержимые свидетельства блаженных и богомудрых Отцов наших, которыми их отступническое мнение посрамляется и отгоняется от всякого благочестия.

*Фотия патриарха против древнего Рима, о том,
что Дух Святой исходит только от Отца, но не от Сына**

1. Если Дух прост, но исходит от Отца и от Сына, то Они непременно будут считаться одним Лицом – и отсюда будет привнесено савеллиево, а вернее сказать, полусавеллиево слияние.

2. Если Дух Святой исходит от Отца и от Сына, то Он двойствен и сложен, – если Дух Святой возводится к двум началам, то где будет многовоспетое единоначалие?

3. Если Отец изводит Духа, изводит же Его и Сын, то Отец – и непосредственный Изводитель Духа, и опосредованный, из-за изведения от Сына.

4. Если исхождение Святого Духа от Отца совершенно, значит, от Сына – излишне.

5. Если изведение Духа у Сына то же самое, что и у Отца, то особенность изведения у Них общая – а как общее будет особенностью? Если же оно противоположно, то как одно не уничтожает другое? Ибо противоположности взаимоуничтожаются. Если же иное [изведение], то часть Духа будет исходить таким образом, а часть – другим, и Он будет состоять из неравных частей.

6. Если Сын и Дух произошли от одной Причины, то есть Отца, а Сын вновь изводит Духа, то и Дух будет изводить Сына, ибо Отец и Изводитель произвел Их равночестно.

7. Если изведение Святого Духа общее у Сына с Отцом, то оно будет общим и для Святого Духа – ведь все, что у Отца общего с Сыном, есть общее и с Духом Святым. И тогда Он будет и причиной, и следствием, что чудовищнее даже эллинского баснословия.

8. Если Сын тоже изводит, а Дух лишен изведения, то Его сила будет меньшей по сравнению с Сыном, что есть Македониево помешательство.

9. Они выставляют предлогом, что так сказал Амвросий в словах о Нем, а также Августин и Иероним, на что следует возразить,

---

* Это приложение, состоящее в целом из 16 пунктов, в настоящее время известно под названием *Epitome de Spiritu sancti Mystagogiae* (см.: *On the mystagogy of the Holy Spirit by Saint Photius patriarch of Constantinople* / Ed. J. Graves. Astoria, N. Y. 1983. P. 193–196).

что или духоборы подделали их сочинения; или те, может быть, говорили так согласно икономии, которую применил и великий Василий, храня до поры при себе в тайне богословие Всесвятого Духа; или как люди уклонились от точного смысла¹⁵, что в некоторых вещах претерпели многие из великих, как Дионисий Александрийский, и Мефодий Патарский, и Пиерий, и Памфил, и Феогност, и Иринея Лутдунский, и Ипполит, ученик его. Ибо некоторые из их высказываний мы не приемлем, хотя в остальном весьма ими восхищаемся.

10. Эти трое сказали, как говорят римляне, – а архиереи семи Соборов не сказали. Ибо все они друг за другом утвердили определение нашей веры, и предстоятели и светила Римской Церкви безусловно согласились и постановили, чтобы к высказанному определению уже никакого догмата не прибавлять и не отнимать, но и чтобы посмевающий [это сделать] был совершенно отлучен от Церкви.

11. Однако божественный Григорий Двоеслов, процветавший немного спустя после шестого Собора, римским языком и буквами богословствовал, что Дух Святой изводится только от Отца; а Захария, через сто шестьдесят пять лет перевода сочинения Двоеслова на греческий язык, говорит: «Дух Утешитель происходит от Отца и пребывает на Сыне»¹⁶, научившись этому от Предтечи, который видел, как Дух сходит, как голубь, и пребывает на Нем.

12. Лев же и Бенедикт, великие архиереи Рима, позже постановили, чтобы при священном тайноводстве символ веры произносился по-гречески в Риме и подчиненных ему церквах, дабы скудость наречия не давала предлога для богохульства. Этот же Лев, открыв сокровищницу апостольской Церкви римлян, вынес два хранившихся вместе со священными сокровищами щита, на которых было греческими буквами и словами написано благоче-

---

¹⁵ Как представляется, последнее объяснение ближе всех к истине. Однако Августин не считал, что он в своем учении о «двойном исхождении» Св. Духа уклонился от истины; напротив, он полагал, что только это учение и может быть истинным (см., например: *Aug. De Trinit. IV 20.29*). Это произошло в результате игнорирования Августином древней святоотеческой традиции и незнания текстов греческих отцов Церкви. – *Прим. ред.*

¹⁶ См. выше прим. к гл. 84.

стивое изложение веры, и повелел прочесть его перед римским множеством. И до времени благочестивого патриарха Константинопольского Сергия архиеереи Рима, посылая в начале своего священства представляющие их вероисповедание послания ко всем патриаршеским престолом, неизменно включали в них символ веры.

13. Но зачем много говорить? Сын и Владыка тайноводствует, что Дух исходит от Отца, и великий Павел тоже объявляет об этом, говоря: *Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал 1:8). Кто же ищет другого учителя, кроме явно безумствующих?

[Заключение того же труда
по рукописи *Vindobonensis theologicus Graecus 40*]

(14) 9. Давид, сказав *и Духом уст Его* (Пс 32:6), научил, что Он исходит только от Отца, отнеся «уст Его» к Отцу, а не к Сыну, чтобы предотвратить богохульство полагающих, будто Он исходит и от Сына.

(15) 10. И во всем остальном исхождение (ἐκπόρευσις) означает просто выход (τὴν ἀπλῶς ἐξέλευσιν), как сказанное в псалме: *Он, выйдя (ἐξεπορεύετο) вон, толкует* (Пс 40:7), а исхождение Святого Духа от Отца означает не простой выход, который как привходящий признак появляется и исчезает, но сущностный и природный и обозначающий образ бытия и проявляющий существование Святого Духа (τὴν οὐσιώδη καὶ φυσικὴν καὶ τοῦ πῶς εἶναι σημαντικὴν καὶ τὴν ὑπάρξεως τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐμφαντικὴν), что Он существует не благодаря рождению, как Сын, а благодаря исхождению и особо (ἐκπορευτῶς καὶ ἰδίως). Ибо свойство Сына – природно рождаться от Отца, а Святого Духа – природно исходить от Отца (τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐκπορεύεσθαι φυσικῶς), и только этим Они и отличаются Друг от Друга, то есть особенностью существования (κατὰ τὴν ἰδιότητα τῆς ὑπάρξεως), в остальном будучи одним по отношению к Отцу и Друг к Другу по сущности и природе, и достоинству, и силе, и, попросту говоря, во всем прочем. Так как же вы говорите, что Святой Дух исходит и

от Сына? Если как от причины – вот две причины и два начала, Отец и Сын, и проповедуемое вами есть скорее двоеначалие, чем единачалие, и не нам говорить, сколько нелепостей воспоследует. Если же по-иному, как по взаимности, из-за взаимопроникновения Их Друг в Друга (ὡς ἐκ φερᾶλλήλου διὰ τὴν εἰς ἄλληλα τοῦτων ἀντιπεριχώρησιν) и, попросту говоря, как посылаемый (ведь как Отец посылает Сына, так и Сын – Духа Святого: *Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне* (Ин 15:26)) – если вы в этом смысле говорите об исхождении от Сына, то мыслите здраво¹⁷, но ошибаетесь в другом: во-первых, искажая этим прибавлением утвержденное семью Соборами изложение веры, причем одни из всех; во-вторых, приставленное «и» (τὸ καὶ), которое мы обычно называем союзом, позволяет думать о равном исхождении от Отца и Сына, хотя бы вы и мыслили то, которое от Сына, иначе, как мы уже сказали. Следует же не только мыслить правильно, но и не соблазнять других, ведь если соблазняющий одного в Евангелии был сочтен достойным страшного наказания, то какое достойное наказание получают соблазняющие почти всю вселенную?

(16) 11. Почему Сын и Бог, сказав о Духе, что Он исходит от Отца, и не однажды, но и дважды в той же последовательности речи, не сказал: «и от Меня»? И они отвечают, что Он говорил смиренно как человек. Мы же, немедленно возражая, уличаем их в лживых речах: ведь слова *Которого Я пошлю вам* Он сказал не как человек, но скорее как Бог, ибо человек не посылает Бога, если Дух Святой – Бог. Посему Он дважды сказал *от Отца* для подтверждения этого рассуждения и чтобы заставить замолчать тех, кто станет говорить, что [Дух] исходит и от Сына. Эта посылка принадлежит находчивости разумнейшего царя, ибо он некогда воспользовался ею, беседуя с Медиоланским епископом.

---

¹⁷ В этом параграфе Фотий ясно различает «исхождение» (ἐκπόρευσις) как вечное ипостасное свойство Духа и «послание» (ἐκπέμψις) как временное действие Духа в мире. Именно это различие и не проводилось в западной богословской традиции, начиная со свт. Амвросия и Августина. См. выше вступительную статью А. Р. Фокина. – *Прим. ред.*